

Ольга Вечная

Единственные

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В39

Редактор серии *Екатерина Дмитриева*

Оформление серии *Дарьи Васильченко*

Иллюстрация на переплете *Mila Read*

Вечная, Ольга.

В39 Единственные : [роман] / Ольга Вечная. — Москва : Эксмо, 2023. — 512 с.

ISBN 978-5-04-190263-6

Полина — взбалмошная восемнадцатилетняя мажорка, которая росла без матери и отчаянно хотела обратить на себя внимание отца. Спасаясь от удушающего одиночества, Полина регистрируется на сайте знакомств и умышленно добавляет себе возраста.

Илья — рассудительный военный хирург, который не ищет серьезных отношений, вот только в один роковой день всё меняется. Юная девушка с сайта знакомств становится для мужчины непреодолимым, запретным искушением.

Они встретились, чтобы расстаться, и расстались, чтобы потом быть вместе навсегда.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

*Все вымышлено.
Любые совпадения случайны*

КНИГА ПЕРВАЯ

БУДЬ МОИМ ПЕРВЫМ

Илья: «Какая же ты красивая) Не могу оторваться».

Полина: «Добрался до моей соцсети?»

Илья: «Угадала».

Полина: «Тогда и не отрывайся)) Там фоток двести))».

Илья: «Вот и не буду».

Полина: «А ты милый) И классный!»

Илья: «Хах, спасибо».

Полина: «Будь моим первым».

Илья: «??»

Полина: «Да/нет? Считаю до трех!»

Полина: «Три...»

Полина: «Два...»

Илья: «Да!!!»

*Полина: «*слезы из глаз от смеха*».*

Илья: «На следующей неделе приглашу тебя на кофе. Обсудим».

Полина: «Только на следующей? Почему, например, не через год?»

Илья: «Мне сильно пора сейчас, Поля».

Полина: «Упустишь свой шанс. Я не из тех девушек, кто ждет...»

Илья: «Ну это мы еще посмотрим».

Пролог

«Илья, привет!» — падает сообщение буквально через пару минут после того, как я включил сотовый. Улыбка растягивает губы. Это Полина.

— Что, принцесса твоя пишет? — подкальывают друзья. — На лице все написано.

— Идите на хрен.

Яр тут же включает на телефоне песню про малолетку, и я закатываю глаза.

Пишет, и что? Завидно?

А парни еще ржали надо мной на сборах, дескать, нашел на кого время тратить. Фу, малолетка. А мы с ней, между прочим, чувствуем друг друга.

Каким-то образом ведь она поняла, что я в город вернулся. Вот только что.

«Привет, моя красивая девочка. Как делишки? Какие планы на вечер?»

Половина двенадцатого. Сейчас как раз домой приеду, отмоюсь после двух недель в полевых условиях. Посплю пару часов. И можно распланировать вечер. С Полиной мы еще не виделись, но много раз переписывались и пару раз болтали по телефону. Познакомились в приложении для знакомств. Мне серьезные отношения в данный период не нужны, она до них еще не доросла. На самом деле, как только я узнал, сколько ей лет, пыл свой поумерил. Но флиртовать с красивой девушкой было весело, и как-то слово за слово — увлекся. Еще это предложение ее... шуточное. Наверное. Либо она очень смелая, либо глупая, либо прикалывается.

Входящий вызов. Я прочищаю горло и принимаю звонок.

9

•
•

— Да? — стараюсь, чтобы голос звучал мягче.

Адский недосып действует на нервы. Когда я устаю, то становлюсь резким и немногословным. А с ней так нельзя. Она маленькая.

Слышу, как вокруг все ржут. Делаю страшные глаза, шепчу одними губами: «Заткнитесь, придурки!» Яр прибавляет громкость: «У-у, малолетка-а-а-а, ты попал, парень, в клетку-у-у». Прибью этого гада однажды, клянусь.

— Илья, привет! Ты же врач? Или ты лгал мне? Скажи честно, как есть. Это важно! — взволнованно звучит ее голос, и я моментально подбираюсь.

— Врач, Поля. Что случилось? Ты где?

Мой тон меняется, и ребята сразу замолкают. В машине воцаряется тишина.

— Мне нужна помощь, и я не представляю, к кому еще обратиться.

— Что бы это ни было, ты «Скорую» вызвала?

— Мне запретили ее вызывать. Илья, он сказал, что оторвет мне голову, если я ослушаюсь! Пожалуйста, если только можешь... Умоляю, помоги мне!

•
⋮

ГЛАВА 1 ПОЛИНА

Мачеха Настя тут на днях меня спросила, подперев тонкой ручкой подбородок и широко зевнув:

— Полина, вот скажи, а где молодежь сейчас знакомится? Вы ж никуда не ходите, нигде не гуляете. Про клубы ни слова — знаю я, какого там плана знакомства! В телефонах только сидите и зрение портите.

От удивления и возмущения я едва не выронила сотовый из рук. Нашлась тут взрослая тетка, на шесть лет меня старше!

— Где и раньше, Настён, — мой голосок настолько елейный, что гордость разбирает. — В универе, например. Препод понравился, под стол к нему залезла, вот и познакомились.

Она глаза закатила и вышла из комнаты со словами: «Опять ты начинаешь!» Ну а что, если все именно так и было? Моему отцу за пятьдесят — ей и двадцати пяти пока нет. Страсть вскружила голову обоим прямо после лекции. Или перед ней. Уж я не в курсе, избавьте от подробностей, бога ради!

В общем, имеем, что имеем, Настён, вопросы глупые друг другу не задаем. Настя мне нравится, я искренне пытаюсь с ней подружиться. Не знаю, почему каждый раз срываюсь на грубость. Наверное, нрав такой у меня. Дурацкий. Отец все время об этом говорит: в мать пошла. Это в нашей семье главное оскорбление. Было бы таким, если бы он при этих словах так странно не улыбался. Якобы незаметно и мимолетно. Моей мамы давно нет в живых, а он ее не забыл. И Настя это знает. Все это знают.

Как бы там ни было, существует еще один способ найти себе парня, и о нем речь пойдет ниже.

Не так я, конечно, представляла наше первое свидание с Ильей из Тиндера. Совсем не так.

Быстрым шагом трижды обхожу вокруг особняка с целью не то унять сердцебиение, не то ускорить время. Крики Мии слышать больше нет никаких сил. Я зажимаю уши и снова начинаю плакать. Мы находимся в загородном доме ее мужа Арсения, и я здесь самая младшая. Должна была быть самой младшей до рождения малыша. Мия и Арсений категорически отказались ехать в роддом, долго готовились к домашним родам, позвали духовную акушерку.

Позавчера Мия мне написала: «Началось!!»

Все это время я ждала сообщения с радостными новостями, но оно никак не поступало. Сегодня, сразу после учебы, в очередной раз позвонила Мие, но трубку взял ее муж. Заверил, что все идет по плану, и попросил, чтобы больше не названивала попусту. Задолбала я его, оказывается.

— Так уже трое суток прошло! Это точно по плану? Дай мне Мию немедленно! Прямо сейчас, ты, придурок! Иначе я...

— Сама дура припадочная! — перебил он грубо.

— Дай. Мне. Сестру, сумасшедший фанатик! — прошипела сквозь зубы. — Я вызываю «Скорую»!

— И что ты им скажешь? Кто тебе поверит?! На моем пороге не будет ни одного убийцы в белых халатах! Все, отвали, неудачница! — сказал он и положил трубку.

Меня аж заколотило. Мия — моя старшая сестра, много лет мы были очень близки, потом она вышла замуж, переехала за город и отдалилась. Ее муж — богатый властный человек. А еще он приверженец всего естественного. И он прекрасно отдает себе отчет в том, что смерть — она ведь тоже естественна.

Арсений четко дал понять, чтобы я оставила их семью в покое, но я все равно поехала к ним домой. Нагло. Без приглашения. Впервые в жизни. По пути позвонила Илье. Сначала, разумеется, папе, но тот снова не взял трубку. Он в командировке где-то в Европе, и ему не до дочерей. Решает важные научные вопросы. Как обычно.

•
:

В моем окружении нет ни одного врача, а нужно было срочно посоветоваться. Мне восемнадцать, своих детей нет. Да что там, даже парня пока не было. Что я могу знать о том, как проходят роды?! Но интуиция подсказывала, что Мия в беде. И я не могла просто поехать в кино с Галкой, как договаривались.

И вот я здесь. Сажусь на корточки и зажимаю сигарету между зубами. Прикуриваю, жадно втягивая в себя густой дым, наблюдаю, как при этом дрожат руки. Скорее бы он приехал. Господи! Он обещал, что поможет прорваться врачам, если Арсений запретит заходить в дом. Наконец слышу знакомый шум за забором, шелест шин по гравийке.

Я поднимаюсь на ноги так резко, что немного кружится голова.

Быстрым шагом иду открывать ворота. Духовная акушерка, забыла, как ее там зовут, обгоняет меня на повороте и первой прорывается к массивной двери, распахивает ее настежь и устремляется к своей машинке.

Илья — а это он, я узнаю мгновенно, ведь часами рассматривала его фотографии — делает шаг назад, пропуская женщину и провожая ее хмурым взглядом.

— Эй, вы куда? — кричу я вслед.

— За инструментами! — объясняет она.

Садится в машину, заводит двигатель и давит на газ.

— Она убегает! — Я возмущенно всплескиваю руками. — Что с Мией, сука?! — кричу не своим голосом и кидаясь к машине.

— Эй, а ну стоять! — Илья бросается наперерез, хватая меня за талию и оттягивает в сторону.

Как раз вовремя, иначе бы эта дрянь меня сбила. Сбила бы и даже не остановилась, господи!

Все, что я могу, — это от души пнуть бампер и выругаться отборным многоэтажным матом, от которого Илья из Гиндера тихо присвистнул.

— Я не виновата, он лежит неправильно! Хрен пойми, почему не получается!! Звоните в «Скорую» и молитесь! — кричит женщина и продолжает давить на газ.

Едва стальная хватка мужских рук ослабевает, я вырываюсь, поднимаю первый попавшийся камень и швыряю его в сторону белого «мерса». Четко попадаю по заднему

стеклу, которое тут же покрывается мелкой паутиной из трещин. Удовлетворенно улыбаюсь на долю секунды.

— Я тебя из-под земли достану! — ору вслед.

Илья хмурится и поворачивается ко мне. Я уже понимаю, насколько все плохо, и меня снова начинает колотить. Происходящее длится от силы секунд пять. Все это время Мия в доме.

— Ты «Скорую» вызвала? — спрашивает Илья.

Как только я сообщила ему по телефону, что домашние роды длятся больше двух суток, он приказал: «Кидай мне адрес и звони в неотложку. НЕМЕДЛЕННО».

— Сразу, как ты сказал. Но они еще не приехали. — Стреляю глазами на часы.

Мы находимся в дачном поселке, здесь чудесный свежий воздух, горная речка. И никакой цивилизации!

Илья кидается к машине, достает чемоданчик и говорит:

— Пойдем посмотрим, что можно сделать, пока ждем.

⋮

14

ГЛАВА 2

Первое впечатление подсказывает, что дома никого нет, но оно обманчиво. Тишина рождает внутри ужас, который пробирает до костей. Тишины здесь быть не должно. Еще пять минут назад Мия громко дышала и стонала. Я сжимаю ладони и умоляюще смотрю на Илью. На фотографиях он казался мне моложе. Сейчас же разница в десять лет бросается в глаза. Рядом со мной, в одежде цвета хаки и тяжелых берцах, взрослый большой мужчина, которого я вижу впервые в жизни. И который, возможно, единственное спасение для Мии.

Если он меня не обманул и действительно доктор. А если нет?! Можно ли доверить жизнь сестры парню с сайта знакомств?!

— Эй, кто есть дома? — говорит он громко.

Ответом ему служит эхо. Илья смотрит на меня и потирает глаза:

— Веди.

Дом и правда огромный, несложно заблудиться.

Арсения нигде не видно, Мию мы находим в ванной комнате. Она лежит на боку на какой-то узорчатой подстилке

и тихо плачет. Все еще беременная. Вокруг так много крови, что у меня кружится голова, к горлу подкатывает тошнота.

— Эй, вы как? — Илья кидается к сестре, садится рядом, проверяет ее пульс, совершает еще ряд манипуляций, за которыми я едва успеваю следить.

Я замираю и не двигаюсь. Перед глазами вспышки и белая пелена.

— Поторопи «Скорую»! — говорит он мне быстро. — Скажи, ситуация экстренная. Нам нужны взрослая и детская реанимации. Переливание крови. Поля! Живо!

Я киваю и достаю телефон.

Он в это время очень быстро моет руки, открывает чемоданчик, натягивает перчатки и обращается к Мие с чередой вопросов, но она не отвечает, только плачет.

— Да блин, где отец? — ругается Илья. — Как вас зовут?

— Она Мия, — подсказываю я.

— Все будет хорошо, Мия. Я врач, и я тебе помогу. Посмотри на меня. Я с тобой.

Она хватается его за руку крепко-крепко. Откуда только силы взялись!

— Вы не уйдете? — умоляет. — Все ушли. Мне так страшно. Я умру?

— Нет, я буду с тобой до конца, и я тебе помогу. Давай разберемся, что происходит и как тебе можно помочь, — говорит он очень спокойно.

— А он... боже? Мой малыш? *Она* сказала, что не повезло, — шепчет Мия и начинает рыдать.

— Эта женщина, судя по всему, имеет весьма отдаленное отношение к медицине. Давай-ка все выясним сами?

Его голос мягкий и ободряющий, у меня волоски дыбом от того, как именно он произносит слова. С легким акцентом, что оказывается сюрпризом. Лишь по глубокому залому между его бровями я понимаю, что дела не так шикарны, как он утверждает. Интуитивно чувствую, что нам нельзя допускать паники Мии, поэтому, пока говорю с оператором неотложки, выхожу из ванной.

А когда возвращаюсь, Илья командует:

— Подержи ей голову.

Я боюсь. И... цепенею.

— Полина, мне нужна твоя помощь. Пожалуйста, соберись и помоги мне.

Киваю и направляюсь к сестре.

Дальше все как в тумане. Он командует, я что-то делаю. Стараюсь не смотреть, чтобы не рухнуть рядом с сестрой. «Скорая» приезжает только через десять минут. Звук сирены — лучшая музыка, которую я когда-либо слышала. Навостряю уши, приподнимаю голову, смотрю на Илью — тот кивает, разрешая. И я срываюсь с места. Несусь встречать врачей и показывать дорогу. В такие моменты действительно понимаешь значение слов «Скорая помощь»: у докторов неотложки нет времени разуваться или надевать бахилы. Вежливо здороваться и улыбаться. Они спасают жизни. Бегом устремляются в ванную, на которую я тычу пальцем, нетерпеливо прыгая на месте. На слова нет сил, они это видят и не спрашивают.

Илья быстро объясняет ситуацию. Ребенок лежал неправильно, поэтому потужной период растянулся на много-много часов. УЗИ нет, обменной карты — тоже нет. Он как раз реанимировал новорожденного, когда в ванную комнату ворвались доктора. Я впервые вижу, чтобы люди в белых халатах бегали. Не ходили быстрым шагом, а именно носились галопом. Новорожденного утаскивают в машину, Илья пока занимается Мией. Она потеряла много крови и отключилась. Он сам весь в ее крови.

— Выйди сейчас, — говорит мне.

И я слушаюсь. Забиваюсь в уголок в коридоре и рыдаю.

Вскоре ее уносят на носилках в машину, которая, включив сирену, срывается с места. Илья подходит ко мне. На него словно перевернули банку с краской. Красной. Он умылся, но не идеально.

— Угостишь? — кивает на пачку сигарет, которую я отчаянно сжимаю в руках.

Мы выходим на улицу, и он устало плюхается на крыльцо. Я присаживаюсь рядом и протягиваю ему открытую пачку.

— Слушай, я, наверное, брошу. После такого, — говорю ему, не сводя глаз с кареты «Скорой помощи», которая уже превратилась в точку, но все еще видна. — Все время собиралась, а тут вроде как повод.

— А я, пожалуй, снова начну, — отвечает медленно. Зажимает сигарету между зубами, шелкает зажигалкой. Глубоко затягивается, потом выпускает дым изо рта и носа.

— У них все будет хорошо? — спрашиваю.

— Я не знаю.

Я жду ответа.

— Прости. Я и правда не знаю.

— Но ты же врач!

— Поля, я хирург-травматолог, а не акушер. Никто бы в здравом уме при таком положении плода не пустил Мию в роды. Кесарево без вариантов. Но мы сделали все, что смогли. — Илья смотрит на меня и не отводит взгляд: — Я тебе клянусь.

Я все же прикуриваю, силясь в очередной раз не затопить мир слезами.

— Честное слово, я никогда не заведу детей. Никогда-никогда-никогда в жизни!

Он долго смотрит на меня, чуть прищурившись от едкого дыма.

— Сделаю вид, что не слышал этого. Какие у тебя планы сейчас?

— Поеду в больницу. Надо еще папе голосовуху записать. — Мой голос дрожит, а слезы продолжают омывать лицо. — И Насте. Боже. — Тру лоб. — Как страшно! — Я затаиваюсь, но давлюсь дымом и кашляю. — Почему я не вызвала «Скорую» раньше?! Надо было уйти с последней ленты. Это я виновата!

— Ты ведь сделала это без разрешения. Могла бы вообще ничего не делать.

— Я растерялась. Арсений уверял, что все под контролем. Что все по плану! Идеальная беременность. Мия была такой здоровой, занималась йогой и прочим. В нашей семье главное зло — это я. Курю с восьмого класса, уроки прогуливаю. А Мия... она хорошая, понимаешь? За что ей это?

— Роды, принцесса, всегда непредсказуемы. Природой все продумано, это правда. Но машина с реанимацией должна дежурить у ворот на всякий случай.

— Если бы мы не приехали, она бы?.. — Мой голос срывается.

— Думаю, ты спасла ей жизнь, — говорит он серьезно. — И, надеюсь, ребенку.

Мы смотрим друг другу в глаза. Они у него светло-серые и уставшие. Но при этом... теплые и добрые. На фото-

графии казались хищными — меня это зацепило. Сейчас они другие. Он облизывает сильно обветренные и покрасневшие губы. Мой взгляд скользит по его лицу, по россыпи крошечных родинок на щеке, которые я вчера снова рассматривала, увеличив фотографию из Тиндера. Затем я прослеживаю линии подбородка и скул. Только сейчас замечаю, что он обросший и в изрядно несвежей одежде. Был за городом, как и писал. Что ж, пока он ни разу не солгал мне.

Разглядываю его как замороженная. Словно мужчин до этого момента не встречала. Наверное, все еще нахожусь в стрессе. Он берет мою руку, что сжимает сигарету, и я вздрагиваю. Тянет к лицу, обхватывает губами фильтр и снова затягивается. Жадно. Я слежу за тем, как он втягивает в себя дым, как выпускает. Мои пальцы так близко к его губам.

Входная дверь хлопает, мы резко оборачиваемся. На крыльцо выбегает Арсений. Он очень бледный, держится за голову. Отрубился, что ли?

— Где Мия?! — кричит он. — Ты кто, мать твою, такой?! Что происходит?

Илья коротко и безэмоционально представляется и сообщает, в какую больницу повезли Мию. Теперь я знаю его фамилию. Ветров. Доктор Илья Ветров. После чего он смотрит на меня:

— Тебя подбросить до города?

— Нет, я на машине.

Большое искушение принять предложение Ильи и расслабиться на переднем сиденье, но у меня нет ни малейшего желания оставлять здесь свое авто.

— Если у вас есть хоть какой-нибудь договор с акушеркой на роды, я бы рассмотрел вариант обратиться в полицию, — вкрадчиво произносит Илья.

— Сам разберусь, — рявкает Арсений.

Он изрядно нервничает, и мне хочется верить, что до него наконец дошло: из-за его упертости едва не погибли люди. Моя сестра.

Направляясь к дверям, я не удерживаюсь и брезгливо плюю в его сторону.

— Ненавижу тебя! — кривлю губы. — Всем сердцем ненавижу!

•
:

18

— Однажды ты допрыгаешься, мелкая эгоистичная дрянь! — Арсений делает несколько шагов в мою сторону. — Я тебе обещаю.

— Ну давай, ударь! Пусть отец сегодня все же лишится из-за тебя одной дочери! — кричу я с вызовом. Сжимаю кулаки.

Арсений смотрит на Илью, взгляд которого прямой и острый. Теплоты больше нет, в глазах явная угроза. Его теплота осталась со мной, она затапливает изнутри, да так сильно, что я хочу взять его за руку. Арсений разворачивается и заходит в дом.

— Дать еще сигарету? — спрашиваю.

— Пожалуй, парочку, — отвечает он, слегка приподняв брови. — Точно не хочешь, чтобы я тебя подбросил?

ГЛАВА 3

По пути в город прошу его сделать всего одну короткую остановку на заправке, чтобы умыться и попить воды. Я неплохо держусь, учитывая случившееся.

— Да, Настя, в том-то и дело! — говорю с мачехой по телефону. — Все шло идеально: легкая беременность, начало родов как по учебнику. Да-да, именно так все и было! Пожалуйста, дозвонись отцу! Я умоляю тебя. У тебя точно получится.

— Разумеется, дорогая. Поля, ты как сама?

— Нормально. Я в порядке. Колотит, конечно. Очень за Мию переживаю. И за малыша.

— А кто родился все-таки?

Я как раз сажусь в машину и передаю вопрос своему спутнику. Смотрю на Илью в ожидании ответа.

— Девочка, — сообщает он коротко. Вновь жмет на газ, и машина плавно трогается с места.

— Девочка! Племянница, — передаю Насте.

— Поняла. Все, я выезжаю в больницу, увидимся там.

— До скорого! Спасибо!

Я сбрасываю вызов и кладу руки на колени, словно робкая школьница за партой первого сентября. Лишь через несколько минут отмечаю, что сижу в очень зажатой позе, это обычно мне несвойственно. Напряжена, мол-

ча провожаю взглядом редкие деревья, мимо которых мы проносимся. Стреляю глазами на Илью из Тиндера. Он свободен и не ищет серьезных отношений. Я помню каждое слово из его анкеты. Ему почти тридцать, он намного старше жены моего отца.

— Скоро уже, — говорит Илья, прикрывая кулаком рот и широко зевая. — Минут двадцать, и будем на месте.

— Спасибо тебе.

— Пожалуйста. Напиши мне потом, как она. Я буду волноваться и ждать.

— Ты не пойдешь со мной? — Я почему-то боюсь остаться без него.

— Поеду домой. Надо помыться, чтобы никого не пугать своим внешним видом. Может быть, немного посплю.

Он бросает взгляд на испачканную форму цвета хаки. И лишь сейчас я замечаю на ней нашивки. То есть это не просто походный немаркий костюм.

— Ты где-то служишь?

— Да, были на сборах как раз, только вернулись. Обрадовался, что ты написала мне. — Илья бросает на меня хитрый взгляд, и я улыбаюсь в ответ. — Напишешь еще?

— Да. Да, конечно! — киваю и снова улыбаюсь, чувствуя, как слегка розовеют щеки. Смущение? Нет, я абсолютно уверенный в себе человек! Что же тогда?

Мне бы хотелось хорошенько осмотреться в его машине и как следует изучить сидящего рядом мужчину, но мысли о сестре снова и снова заставляют сердце колотиться быстрее. Берут его в тиски, опасно сдавливают, так что тяжело делать вдохи. Я вновь стискиваю пальцы и молюсь. Закрываю глаза, начитывая одними губами «Отче наш».

Чувствую, как он сжимает мою ладонь. У него сильные руки, и они не дрожат. Совсем. В отличие от моих.

— Подыши со мной. Пожалуйста. Вдох-выдох. Давай вместе.

Я смотрю на него и снова киваю. Папа бы не поверил, что я могу быть такой послушной и покладистой. Безропотно исполнять команды, впитывать каждое слово. Отец, кстати, все еще недоступен. Ни разу за полдня не заглянул в почту.

Настя ждет меня на крыльце больницы. Я выхожу из машины и кидаюсь к ней. Обнимаю изо всех сил за шею.

Бедняжка впадает в шок от такой реакции. Не сразу начинает обнимать в ответ. Потом неуверенно кладет руки на мою спину, и я тут же ее отталкиваю. А то еще привыкнет.

— Ну что, пойдём? — спрашиваю.

— Да, попробуем поймать какого-нибудь врача.

Напоследок я оглядываюсь и смотрю на машину единственного человека, который сегодня ответил на мой звонок и поверил взволнованному голосу.

«Илья Ветров», — произношу одними губами.

Он будет моим первым. Разумеется, не единственным, но первым. Военный врач на скромной машине, с железной выдержкой и красивыми глазами.

— Кто этот парень? — спрашивает Настя чуть позже.

Сразу после того, как мы переговорили с врачом. С Мией сейчас все хорошо — они с малышкой обе в стабильно тяжелом состоянии, но самое главное, что нет ухудшений. Они в надежных руках.

— Какой парень? — Я не сразу понимаю, о ком она говорит. — А, Илья. Он врач, мы недавно познакомились.

— Ты не рассказывала.

— А должна была? — приподнимаю брови.

Ее сотовый вибрирует. Она быстро достает телефон. Это отец. Я бросаю взгляд на экран телефона — там попрежнему пусто. Ни пропущенного, ни звонка.

— Ладно, мне пора. — Быстро киваю. — Объясни ему ситуацию.

«Все будет хорошо. Все обязательно будет хорошо», — шепчу себе, набирая сообщение водителю о том, чтобы забрал мою машину и пригнал домой. Девочки в нашей семье сильные и живучие. Мама попала в аварию, когда была мной беременна, я родилась намного раньше срока. И вон какой выросла! Метр семьдесят пять ростом! Когда надеваю каблук, то намного выше папы. Мама была непоседливой, дерзкой и абсолютно невыносимой! Такой же, как я. Улыбаюсь, когда вспоминаю слова отца. Еще моя мама была умной и красивой. Я люблю рассматривать ее фотографии. Мне ее не хватает.

Мой психолог считает, что я поэтому так болезненно восприняла мужа Мии — из-за ревности. Мне показалось, что, выходя замуж, сестра будто бросает меня, хотя это не так. Посмотрим, что Юлия Владимировна скажет

на то, что натворил Арсений. Кусок дерьма он, поэтому я его и возненавидела с первого взгляда. А не из-за каких-то там травм детства!

Пишу Илье: «Ситуация стабильна, обе живы».

Он отвечает: «Слава богу».

«Ты считаешь, что Бог существует?») — тут же спрашиваю.

«Конечно. Он всегда со мной. И с тобой тоже».

«Такой большой, а в сказки веришь! Мир жесток, и никто за нами не присматривает. Всем на всех плевать», — строчу ему.

«По-твоему, непременно нужно становиться циником?»

«Это такой критерий взрослости, чтоб ты знал», — пишу, усмехаясь.

«Напротив. Цинизм — простой способ самозащиты. Ты как бы убеждаешь сама себя: везде всем плохо. Везде херово. Зачем тогда переживать? Это тебя успокаивает и позволяет не бороться с несправедливостью».

«Ну и дурак!»

Сначала отправляю, потом думаю, как это выглядит со стороны.

«)))».

Пусть запихнет себе эти скобки сам знает куда!

Я злюсь, пока жду такси. Уже на заднем сиденье авто, слегка успокоившись, пишу ему:

«А разве можно как-то выжить в этом мире и при этом не стать циником?»

«Нужно, Поля. Обязательно нужно».

ГЛАВА 4

Следующие два дня проходят в какой-то болезненной суматохе. Я постоянно проверяю телефон в ожидании сообщений от сестры. Она редко пишет, в основном спит. Мы не обсуждаем случившееся, будто не были в этой ванной втроем. Не боролись за ее жизнь. Пару раз я пыталась что-то рассказать про Илью, поделиться, как он ругался из-за случившегося:

— Хоть бы в черте города экспериментировали, раз уж уповают на естественность! «Скорая» еле нашла ваш посе-

•
•
•

лок! А если бы не нашла? Мы бы с тобой, моя боевая подруга, вдвоем могли не вытянуть.

— Акушерка заверяла, что все пройдет хорошо, — лепетала я в оправдание сестры.

— У нее экстрасенсорные способности, я полагаю? Вся эта кухня — вне закона, потому что лицензию на проведение домашних родов в РФ получить нельзя. Соответственно, нет никаких регламентов, правил. Сплошная импровизация от и до! Тебе самой не жутко?

Еще как...

Но Мия упорно оставляла подобные сообщения без ответа.

Ей было неинтересно. Она вообще стала не от мира сего с тех пор, как связалась с этим Арсением. Кажется, нажаловалась папе, потому что следующий наш телефонный разговор отец начал с фразы в приказном тоне:

— Не вмешивайся, Полина. Я сам во всем разберусь. И оставь сестру в покое, пусть восстановится.

С одной стороны, я была с ним согласна: к чему сейчас махать шашкой? Случившегося не исправить. Главное, что все живы. Но с другой... почему хотя бы не попытаться привлечь ту женщину к ответственности? Да и Арсения, чтоб ему самому пережить подобное!

— Когда Мия подает на развод? Это единственное, о чем я хочу знать.

— Поля, ну что мне с тобой делать?!

— Полина поняла, Полина молчит! — От досады закусываю губу.

— Кстати, слышал, что ты не ходишь на учебу.

Да, это сейчас особенно важно. Мир погибнет без очередного экономиста.

— Всего пару дней пропустила. Для меня случившееся тоже стресс. Папа, я так испугалась! Господи, папочка, скоро ты приедешь?

— Послезавтра. Ты ходила к психологу?

— Да.

— Хорошо.

Дальше мы замолкаем. Оба не знаем, что сказать. Я чувствую себя крайне уязвимой, потому что позволила себе сорваться на эмоции. Он не представляет, что

с этой уязвимостью делать. Мы давно не общались искренне и начистоту. Наверное, с появления в наших жизнях Насти. Вот, кстати, еще один человек, к которому я якобы ревную. Не Поля, а всадник Ревности, отравляющий жизнь всем, кто услышит топот ее боевого коня. Еще один предвестник апокалипсиса! Я закатываю глаза и вздыхаю.

Отец словно видит это, хотя между нами много тысяч километров, — все же он неплохо меня знает. Как облупленную! Переводит тему:

— Скинь мне номер того врача, что прибыл первым и принял мою внучку.

— Он не возьмет денег. Он приехал, потому что я попросила. Он друг. — Ловлю себя на том, что улыбаюсь. Впервые за день. — Мой друг.

— Посмотрим. Но номер скинь, предложить-то надо. Нехорошо.

— Ну да, бесплатно-то со мной никто не станет общаться, — бубню я.

— Повтори-ка? Что-то со связью, плохо слышу.

— Ничего, пап, это телевизор. Сейчас скину. Ты напиши потом, взял он деньги или нет.

— Зачем?

— Просто интересно.

А еще важно. Почему-то очень для меня важно.

— Ты мне ничего про него не хочешь рассказать? Сколько ему лет? Откуда у тебя взрослые друзья? — Папин голос становится не то игривым, не то строгим. Что-то между.

Таким же тоном дальние родственники интересовались, есть ли у меня женихи. Когда мне было девять.

— Па-а-апа-а-а, — тяну укоризненно. — Хорошо, я напишу.

Сбросив вызов, я возвращаюсь к делам. Смотрю расписание занятий на завтра, гадаю, как бы незаметно испортить Насте настроение... И еще размышляю, пригласит ли Илья меня на свидание? На настоящее, полноценное свидание!

Он очень отличается от всех парней, с которыми я до этого флиртвала или дружила. Большинство из них мечтают закрутить роман с дочерью бизнесмена Барсукова. Заглядывают мне в рот, охотно идут на контакт. Ветров же

•
•

все время переносит наши встречи! Динамит меня, при-
творяется, что есть дела поважнее!

Я, Полина Барсукова, предложила ему заняться любовью! Да половина парней нашего универа умерла бы от радости. Вторая половина — стянула бы трусы немедленно. Ветров же пообещал как-нибудь угостить кофе.

Зачем-то в очередной раз пробегаю глазами все наши переписки. Он забавный! А еще так смешно отреагировал на предложение стать моим первым. После этого начал обращаться ко мне «моя девочка». Будто я уже «его». Какая идиотская банальщина! Аж волосы дыбом от этих его слов. И приятно так, сладко на душе. Я попала в беду, и мой парень сорвался, приехал и спас мою сестру. Ради меня.

Мой парень.

Курил сигарету из моих рук...

Дела у меня в последнее время идут не очень хорошо — я часто ссорюсь с друзьями, много времени провожу в одиночестве. А с ним мне как-то... иначе, что ли? Он взрослый и будто с другой планеты. Не такой взрослый, как папины друзья, но почти такой же надежный. С ним я робею и не решаюсь спорить. Все больше слушаю.

Сверху всплывает окошко. Короткое сообщение от отца: «Взял».

Всего одно слово, но я сразу понимаю, о ком речь.

Осторожно откладываю сотовый на стол и смотрю в окно. Молчу. Только сердце колотится.

Ну вот, все правильно. Врач выполнил работу, получил за это вознаграждение. Щедрое. Ничего личного. Вообще ничего личного.

Что же оно так колотится-то! И слезы подкатывают.

ГЛАВА 5 ИЛЬЯ

— И как там твоя принцесса? — спрашивает коллега во время операции.

Часовой остеосинтез бедренной кости подходит к концу, пациент, несмотря на преклонный возраст, переносит

хорошо. Близится вечер, четвертая плановая операция — народ устал и хочет отвлечься.

Интересно, еще хоть кто-то не в курсе событий, что происходят в моей личной жизни? Которой я занимаюсь, на минуточку, в нерабочее время.

А с чего все началось? Главврачу позвонил «сам Барсуков», как мне передал потом заведованием дословно... Хотя даже не так. Он сказал: «САМ Барсуков позвонил и поблагодарил!»

За спасение роженицы и новорожденного меня поощрили уважительным хлопком по спине, а потом, конечно, отругали, что полез. Случись беда — искали бы крайнего. Родственники крайними быть не любят, акушерку ищи по городу. Она уже и номер телефона сменила, наверное. Будет лгать и отпираться до последнего вздоха, уверяя, что ее там не было.

•
•

26

А я такая удобная мишень. Врачебная ошибка и прочее. Заведованием хирургии — мужик отличный, как отец нам всем родной. Вот только я бы лучше сиротой остался.

Меня прямо с утра вызвали в кабинет. Не успел зайти и закрыть за собой дверь, как услышал:

— Тебя переводят на новое место.

Я аж дар речи потерял. Смотрел на заведованием — ему хорошо за шестьдесят, высокий тучный мужчина, до сих пор блестящий хирург. Взгляд — суровый, погоняло — Пушкин, потому что Александр Сергеевич. Он хмурился и кивал, дескать, такие вот новости. Рядом с ним еще один хирург и его лучший друг — Чернов. Личность неприятная, если не сказать противная, погоняло среди коллег — нелитературное. Смотрел на меня с сочувствием.

Ппц.

— Хоть не на Камчатку? — спросил сразу, припомнив свое первое распределение в такие дальние дали, что сбежал оттуда в горячую точку. От смертельной скуки.

Тот губы поджал, насупился. Молчал, не зная, как мне сказать.

— Я ж только с декабря работаю, полгода не прошло. — Понимал, что бесполезно, но вот так сразу принять новости не получалось.

На лице Пушкина не было ни тени улыбки.

— Я боролся, но ничего сделать не мог, — оправдывался он. — Сам понимаешь, сверху дали сигнал. — При этом бросил скорбный взгляд на потолок: там пыльная люстра. Он тоже думал о том, что хорошо бы ее помыть, на пару секунд забыв о моей судьбе.

— Меня и так постоянно на всякие сборы гоняют.

Между прочим, это удовольствие дополнительно не оплачивается. А неудобств — масса.

— Ты себя блестяще показал, Ветров. И за твои заслуги перед Отечеством мы переводим тебя... добровольно-принудительно... в гинекологию, — закончил Пушкин. И начал ржать.

Я моргнул, потом чуть сильнее сжал челюсти. Дебилы.

— У них там снова нехватка. Ольга Дмитриевна на пенсию ушла! — вторил Чернов. — Сказали, такие находчивые ребята им нужны!

— Парень с боевым опытом, нервы крепкие, то, что надо в гинекологии! — продолжал Пушкин, уже покраснел весь, слезы вытирал. Хохотал так, что аж хрюкал.

Я против воли почувствовал, как слегка лихорадит. В гинекологию, ну да. Смешно. Очень. Тоже улыбнулся, оценил шутку. Не скоро мне забудут позавчерашний подвиг.

— Роддома у нас тут нет, уж извиняй, но если сильно тянет...

— Издевайтесь сколько угодно, — тоже начал посмеиваться, подыгрывая Пушкину. Можно было, конечно, и съязвить, но тем самым я лишь подогрел бы их ажиотаж. Так что лучше было не нарываться.

— Какого хрена, Илья? — Пушкин вдруг сменил тон, всплеснув руками.

— Так получилось. Я был поблизости и приехал раньше «Скорой». Что, нужно было сидеть рядом и ждать, пока сердцебиение плода вовсе прекратится?

Он встал из-за стола, принялся мерить кабинет широкими шагами и заламывать руки. Потом подошел ко мне и похлопал по спине.

— В нашем госпитале нет родильного отделения. А знаешь почему? — не унимался Чернов.

— Потому что служат в основном мужчины.

— А у них что?..

— Матки нет, — сдался я.

— Какой молодец! Анатомия — пятерка! У мужиков хер, а не вагина. Но ты, я смотрю, на все руки мастер! Хотя бы намекнул, я б тебя пристроил вон в четвертый родильный. Или в перинаталку, — все не унимался Чернов с матерным погонялом. Нетрудно догадаться, откуда оно появилось.

Но при этом я понимал, к чему они оба клонили.

— Опыт у меня есть, — сказал решительно. Тут слаби-ну дашь — съедят. — Я знал, что делаю. Все расписал в ра-порте. Там три страницы мелким почерком.

Пушкин смотрел на меня долго. То на одно плечо голо-ву склонял, то на другое. Как на дурачка или уродца.

— В Сирии обстоятельства были разные, — продол-жил я. — Там не спрашивали специализацию, опыт, зна-ния. Если врач — значит, работай. Можешь спасти — спа-сай. Я оказался в схожей ситуации и действовал. За каждое движение могу ответить. Итог — обе пациентки живы.

— Но сейчас мы не в Сирии, а в России. В Красноярс-ке. В мирное, мать твою, время. Але!

— Я понял.

Он нахмурился.

— Тебе повезло, запомни это. И на рожон больше не лезь. Вообще к этой семье не лезь. Держись от них по-дальше.

— А то что? — спросил, приподняв брови.

— А то карьеру свою похоронишь. Что я твоим роди-телям скажу? Кто им поможет? Военную ипотеку хоть до-ждись. Игорь Андреевич за тебя поручился перед Барсуко-вым, но терпение у него не железное.

Повисла пауза. Меня не отпускали, поэтому я стоял и молчал.

— Я не шучу, Илья. Полезешь к дочери САМОГО Бар-сукова — тебя через годик и правда отправят в какой-ни-будь Северодвинск.

— Надеюсь, у них там хороший роддом.

Пушкин сощурился, потом всплеснул руками.

— Иди работай. Пока все.

Я кивнул, развернулся и направился к двери. Он меня окликнул уже у самого выхода:

— Илья, тебе не хватило войны?

•
:

— Я просто хотел помочь. Знал, что у меня получится. Был уверен.

Тот лишь покачал головой.

Два года службы по контракту наложили отпечаток. Сам не заметил, а окружающие говорят об этом. Что изменился. Тяжелее стал по характеру и более замкнутым.

— Она не принцесса, — улыбаюсь я. Под маской не видно, но по глазам коллеги считывают. — Она мажорка.

Хорошее слово, хлесткое. Полностью ей подходящее.

В ответ все смеются. Почему мы так много говорим о Полине? Потому что я новенький и все лезут ко мне в душу. И не дай бог случайно ляпнешь — слухи бурным потоком пронесутся по всей больнице. Даже пациенты, должно быть, шушукуются. Илья Ветров принял роды у одной из дочек самого Барсукова (да кто этот мужик такой-то?! Надо хоть погуглить). А со второй — крутит роман.

Две дочки, везде отметился.

— А есть разница между принцессой и мажоркой?

— Да, еще какая, — объясняю. — И слава богу! Потому что на роль принца я тяну не особо.

— А на чью роль тянете, Илья Викторович? — хихикает медсестра Женя.

Хорошенькая, между прочим. Но замужем. Облом по всем статьям. Кстати, в гинекологии девчонок работает больше. Может, и правда поменять специализацию?

— Вот здесь поддержи, — командует хирург. — Смотри, как вышло. Видишь?

Киваю.

— Дальше шей.

Принимаюсь за работу.

— Жень, я тяну на роль сомнительного парня. Такие крайне интересуют мажорок, пока те не становятся принцессами.

— Это такие этапы развития в королевском дворце?

— Думаю, да. Из куколки в бабочку.

Полинка — самая настоящая куколка. Ладная, свежая, яркая. Такими, по-хорошему, только издалека любоваться. Я был польщен, когда она меня свайпнула в Тиндере. Первая.

— Когда уже операция закончится и вы заткнетесь, — вздыхает коллега.

— Если вам неинтересно, Михаил Геннадьевич, не слушайте! Илья Викторович, так что там с этапами взросления мажорок?

— Сомнительный парень, у тебя сегодня двадцатичасовая смена. Не забывай об этом.

— Ску-ука, — тяну я.

— Принцессам еще нравятся рыцари, — мечтательно вздыхает Женя.

— А их родителям — не особо, — бубнит зануда Михаил Геннадьевич, — в том числе их заработные платы. Этих рыцарей.

— Зато форма красивая, — не сдаётся медсестра.

— Женя-Женя, — укоризненно качает головой хирург. Я же ей быстро подмигиваю.

Возвращаюсь домой следующим ранним утром. А в обед меня будит звонок с неизвестного номера.

•
•
•

ГЛАВА 6 ПОЛИНА

Папа всегда непростительно щедр, когда дело касается дочерей. Думаю, он не поскупился и в этот раз. С лихвой компенсировал Илье из Гиндера причиненные неудобства. Наверное, мне больше не стоит чувствовать себя должной. И такой благодарной.

Спасение жизней — это ведь тоже работа. Требуется ли она какого-то особенного восхищения или отношения? Кто-то продает яблоки, кто-то — газ. Кто-то делает мебель, кладет плитку во время ремонта... Каждый занят своим ремеслом.

Мне становится зябко, и я подхожу к окну. Закрываю его, забираюсь на подоконник — он очень широкий — и обхватываю колени. Интересно, найду ли я свое предназначение?

Телефон вибрирует. Бросаю взгляд на экран — это Олеся, моя близкая подруга. Вообще, моей самой близкой подругой, буквально частичкой души, всегда была сестра. Мы жили в соседних комнатах, все свободное время про-

водили вместе. Потом Мия переехала к мужу, и мне пришлось как-то выкручиваться самой. Папа по-прежнему много работал, няня стала мне вроде как не по возрасту, но вместо нее у нас поселилась Настя.

О, что это? Неужели снова топот копыт всадника Ревности? Кыш-кыш, лошадка, у нас тут взрослая девочка.

Я морщусь и встряхиваю плечами, словно скидывая невидимые оковы. Быстро открываю сообщение. Олеся зовет в клуб — потанцевать, поболтать, развеяться. Сначала отказываюсь: из-за Мии совсем нет настроения. Да и подвиг Ильи, ставший проплаченным, будто утратил героизм. Но в итоге принимаю приглашение.

Бросаю взгляд на часы — половина восьмого. Вторая пятница мая. Дом совершенно пустой. Как обычно. Криком кричи — только эхо ответит. Настя читает в своей спальне в конце коридора. Прийти к ней и пригласить вместе поужинать — для всадника Ревности это уму непостижимо!

— Ура! — радуется Олеся. — Пойдем в новое место, там очень круто! Влада с Галкой тоже будут.

Напоследок я еще раз листаю фотографии Ильи из Тиндера. Не без труда отрываюсь от его светлых глаз и принимаюсь рассматривать детали одежды. На трех фотографиях это футболки и джинсы, на двух — рубашки и брюки. А еще его шею обнимает одна и та же тонкая золотая цепочка. Кажется, с кулоном. Многократно увеличив картинку и прищурившись, я понимаю, что Илья носит крестик. Судя по всему — всегда. Наверное, не снимает его даже в душе. Станный он какой-то. Смешной.

Но денежки-то взял.

Бизнес-такси останавливается напротив клуба, мы выходим из машины и на пару секунд замираем. В таких заведениях я еще не была.

С важными лицами проплываем мимо охраны, на ходу доставая паспорта. Покупаем билеты и через минуту оказываемся внутри.

Ну, блин, вау.

Пытаюсь не тарашиться, но не очень-то получается.

Музыка здесь другая, люди другие. И запахи. Сложно объяснить... Всего так много, что я не успеваю следить за обстановкой. Обхватываю себя руками и зябко потираю

открытые плечи. Олеся под большим впечатлением — ее глаза возбужденно горят, она так пялится на окружающих, что хочется ее стукнуть.

Я веду себя естественно.

— Первый раз здесь? — кричит на ухо Влада.

— Каждое затмение я встречаю в клубе «Затмение»! — язвлю.

Она хохочет так, будто эта шутка смешная. Платить за ужин и напитки снова предстоит мне, поэтому любая моя шутка моментально взлетает в топ.

— Идем же, Поль! Что ты будешь пить? — Влада тащит меня в сторону бара.

Хотя совершеннолетней я стала только в прошлом месяце, мы с девочками и раньше тайком выбирались в ночные клубы, чтобы выпить по коктейлю и потанцевать. Но... там все было как-то иначе. Внезапно мне хочется оказаться в своей родной «Эре», где принципиально не круто. Но зато безопасно и понятно.

•
•
•

32

Делаю вид, что не робею. Минут пятнадцать мы, обескураженные, тянем напитки, заказываем по второму коктейлю. Я поздно вспоминаю, что ничего не ела с самого утра, и приятное тепло согревает изнутри. Плечи сами по себе расправляются, щеки розовеют.

Бросаю взгляд на сотовый — еще три сообщения от Ветрова. Весь вечер меня атакует в Ватсапе — я принципиально не читаю. Только селфи в сторис выкладываю.

— Наша любимая песня!!! — кричит Олеся в полном восторге.

Я прислушиваюсь и действительно узнаю нашу песню в новой обработке. Мы соскакиваем с высоких стульев и бежим танцевать.

С каждым движением становится все лучше. Легче. Веселее! И еще очень тепло. Так, что даже жарко! И почему я раньше боялась? Вокруг все улыбаются, танцуют, все непременно будет хорошо! Только сердце колотится все сильнее и сильнее. Сначала это будто приятно: дает силы, энергию. А потом мне становится душно.

— Давайте что-нибудь поедим! — кричу я на ухо Владе. Та размышляет пару секунд, а затем кивает.

Ценник здесь, конечно, нехилый.

— Берем все, что хотим! Не стесняемся! — объявляю я покровительственно.

Коктейли ударяют в голову, придавая смелости. Я открываю Ватсап и читаю от Ветрова:

«Привет! Как у вас сегодня дела? Есть новости?»

«Але, моя девочка. Мне не нравятся твои глаза на фотографиях».

«Игнор?»

Пф, на этот раз его «моя девочка» только раздражает. Вообще, подобные выражения — признак профессиональной деформации. Когда я выяснила, что он военный, хоть и врач, многое прояснилось. Некоторым парням в форме трудно преодолевать нормы субординации, и они начинают переносить их в личную жизнь. Понятно, что с начальством не поспоришь, а вот дома... Это мне объяснял отец, потом я еще почитала.

Расслабленно-покровительственные «моя маленькая», «моя девочка» — первый звоночек. Я прищуриваюсь, и в голове рождается план.

«Привет, Илья! Мы тут с подружками вышли развеяться. Не хочешь приехать? Клуб «Затмение». Представлю тебя девочкам», — быстро пишу и отправляю.

Он думает секунд пять.

«Да, скоро буду».

Я киваю самой себе и объявляю:

— Планы меняются.

33

⋮

ГЛАВА 7 ИЛЬЯ

Ну да, где еще могут веселиться мажорки?

ВИП-клуб для тех, кому бабло некуда девать.

Прикуриваю сигарету, пока ищу место для парковки. Дрянная привычка, пора с ней завязывать. Я и так долго держался: как перевелся на четвертом курсе в Томский военно-медицинский институт из Красноярской медакадемии — с тех пор ни-ни. Потом его, правда, закрыли, и доучивался я уже в Питере. Так вот, физические нагрузки убивали. Военный врач — это тот же самый врач, только он должен уметь еще и маршировать, бегать наравне с сол-

датами, прыгать с парашютом в полной экипировке. Стрелять тоже нужно уметь.

Нет, врачи, разумеется, не воюют и кровь не проливают. Но если ты ведешь колонну с ранеными в полевой госпиталь, а впереди внезапно оказывается неприятель, то сложить руки и уповать на совесть и сострадание противника — та еще глупость.

Всех перебьют. А кто попадет в плен... лучше не попадать. Ни за что на свете.

В мирное время все совсем иначе. А там, где я был... Постоянный адреналин в крови и ежесекундная готовность спасать людей во всех смыслах этого слова. У меня есть боевой опыт, поэтому со мной иногда так трудно. А еще мне самому бывает непросто. В некоторых мирных ситуациях. Обыкновенных и привычных для окружающих людей.

Моя бывшая девушка вам может порассказывать. Банальная история любви — ординатор и медсестра, банальная жизнь, банальный разрыв. Потому что Северодвинск, которым мне угрожал Пушкин, — это, в общем-то, отличный город, бывает и похуже. Намного хуже, уж поверьте мне. Когда день за днем только и делаешь, что лечишь сопли срочникам и отбиваешься от них же отборным матом, потому что солдаты знают наверняка: ты единственный во всей округе, у кого есть спирт.

Смотрю на вход в элитное заведение. На хрен мне это надо?

Казалось бы.

Но в последние дни я закрываю глаза и мысленно оказываюсь на крыльце того огромного особняка у речки. Руки и одежда в крови роженицы. Рядом восемнадцатилетняя девчонка, напуганная до смерти. Курю ее сигарету и чувствую, как кровь несется по венам. Чувствую себя живым.

Приходится немного пободаться с охраной, после чего меня наконец пускают в «Затмение». Захожу, оглядываюсь — типичная тусовка тунеядцев, которые я никогда не понимал. Зачем на это все тратить время? Когда столько нового можно прочитать и изучить дома.

Хотя признаю, лгу. По юности мне хотелось оказаться среди всего этого веселья, хватануть легкой жизни. Кайфануть. Но нужно было выбирать. Денег на профкурсы по хирургии у меня, конечно, не было. Я в военный институт-то

•
•

перевелся в основном из-за стипендии — тогда еще можно было это осуществить. Поэтому мы с товарищем тренировались шить на старых коврах. Аккуратно разрезали, а потом сшивали. Раз за разом, раз за разом. Секрет, разумеется, никому в этом не признаюсь. Какие уж там клубы.

Быстро прохожу по первому ярусу, поднимаюсь на второй и застываю.

Капец какая она, конечно, красивая. На секунду мне даже кажется, что мир вокруг нее останавливается. Тускнеет, сливается в темный фон. И лишь Поля танцует в черном коротком платье с оголенными плечами. Платье свободное, я бы даже сказал, на мешок похожее. Но Полина двигается, и фигурка легко угадывается. Она не тощая, в отличие от многих своих ровесниц: и попа, и бедра на месте. Небольшая грудь в контрасте. Изумительно просто.

В голову противным голосом Богомолова на мгновение врывается известная песня: «Ты попал, парень, в клетку-у-у».

Я слглатываю скопившуюся слюну.

На нее смотрят другие мужчины — меня это раздражает. Слишком молода, слишком красива. Короткая вспышка гнева, которую быстро гашу. Мирное время. Все вокруг хорошие. Врагов нет.

По крайней мере, не мне с ними разбираться. Пусть бойцы из отряда выезжают. Были вместе в последней командировке, так наслушался баек.

Я подхожу к Полине и слегка улыбаюсь, чтобы не испугать.

Она вскидывает глаза. Темные, наивные. И тоже улыбается. Кладет руки на мои плечи, тянется, приподнимаясь на цыпочки.

Наклоняюсь навстречу и вдыхаю запах ее кожи и каких-то дорогущих духов.

Она шепчет мне на ухо:

— Я так рада, что ты приехал! Огромное тебе спасибо, Илюш.

Терпеть не могу, когда мое имя коверкают, но мне нравится, как она произносит шипящую «ш». Мне на ухо.

Кладу руки на ее талию. Тоненькая такая. У меня мысли путаются в голове. Ладно, признаю, не избалован я женским вниманием. Не урод внешне, все на месте, но банально некогда было. Все время некогда. То ковры, то

такие места обитания... Да, Северодвинском меня не напугать. А, к черту!

Наклоняюсь ниже и целую ее. Вот прямо так сразу, без предисловий. Мы вместе в аду побывали — как еще назвать минуты, когда человеческие жизни находятся на кону. Ее сестра так намучилась, бедная — сил уже не было тужиться, когда головка плода наконец встала в таз и ребенок пошел. Счет был на секунды: у меня с собой ни вакуума, ни щипцов, конечно, не было. Откуда? Как Мия ее вытужила — одному Богу известно.

Рождение... эти минуты всегда особенные, кто хоть раз присутствовал — знает. И пусть у меня не было и доли секунды проникнуться моментом, но я его прочувствовал.

И Полина тоже. Для нее не прошло мимо — я точно знаю, хотя она и выпендривается.

Поля замирает, а следом сжимает мои плечи сильнее. Я очень осторожно, чтобы не спугнуть и не обидеть, поглаживаю ее по талии. Ни сантиметра ниже. Маленькая она. Нельзя. Рано.

Совершаю неспешные движения ртом — она не сразу дается. Губы не размыкает, я не настаиваю. Так с ней тоже приятно. Стоим, привыкаем друг к другу. Очень близко, потому что куда уж ближе? Кругом музыка, люди. Хотелось бы о них забыть, но не получится.

Она опять приподнимается на цыпочки и позволяет мне коснуться ее языка своим.

Вкусная. Я отчетливо ощущаю алкоголь и никотин, но даже с учетом этого — мне нравится.

Мы начинаем целоваться по-настоящему. И когда я отрываюсь от нее, глаза моей мажорки блестят. В них столько восторга, страсти и доверия, что хочется утащить ее отсюда немедленно. Чтобы никто больше этот взгляд не видел. Чтобы он был только моим.

Девственница. Надо не забывать об этом. Может, обманула, конечно. Но вдруг нет? Не хотелось бы испортить ее первый раз. На всякий случай все время держу это в голове.

— Вон девочки! — Полина показывает на дальний столик.

За ним и правда три девицы, тоже юные и миленькие, но эти — привычно тощие. Аж с мест повскакивали, так

на нас пялятся. Увидев, что мы смотрим в их сторону, девочки жестикулируют и показывают на стол, дескать, еду принесли.

— Идем? — спрашиваю.

— Да, я адски голодная!

Полька берет меня за руку и ведет к подругам. Мы садимся за стол и начинаем знакомиться.

Мне не слишком интересно с ними общаться, имена запоминаю скорее по привычке. Я думаю о том, чем закончится этот вечер. Еще меня беспокоит пара моментов, но о них чуть позже. Полина и правда очень голодная, уплетает стейк за обе щеки. Люблю девчонок с хорошим аппетитом. Пусть поест, потом предложу покинуть «Затмение».

От алкоголя я отказываюсь, потому что за рулем. Да и вообще не пью.

— Зашитый, что ли? — кричит Олеся.

— Что? — не сразу понимаю, к чему она клонит. — А, нет, по работе могут в любой момент вызвать.

Они переглядываются и растерянно пожимают плечами.

Девушки уходят в туалет, мы остаемся с Полиной вдвоем. Я хочу расспросить о ее сестре, но Полина отмахивается, мол, позже.

Залпом допивает коктейль, просит меня подождать чуть-чуть и спешит в сторону лестницы. А еще через минуту приходит сообщение:

«Илья, срочные дела, прости. В другой раз потусим! Расплатись, пожалуйста».

Не успеваю я оторвать глаза от экрана телефона, как официант вручает мне счет.

Открываю папку, смотрю на чек и едва удерживаюсь, чтобы не выругаться вслух.

Капец! Из чего готовят эти блюда? За такие деньги можно было бы накормить целую роту! Если не две.

Прищуриваюсь. Вот мелкая сучка.

Чайные я, уж простите, не оставляю.

Выхожу на улицу. И смешно, и злость дичайшая разбегается. Все это одновременно — смесь гремучая. Да, я знал, с кем связываюсь. Меня предупреждали все кому не лень. Ржали и предупреждали! Но и помню, как она целовалась. Тянулась, едва не стонала мне в рот.

После такой подставы домой я не поеду точно. Тут она ошиблась.

Открываю эту гребаную соцсеть, быстро нахожу пигалицу. Больше нет сторис. Смотрю, кто там ее комментирует. Так, вот и блондиночка Олеся. Сторис нет. Владислава с длинными черными волосами. Сторис нет. Последний шанс — веселушка Галина. Ага, есть! Селфи и надпись: «Все же дома лучше!» И геолокация на «Эру».

Сопливые конспираторши.

Это десять минут езды по ночному городу.

ГЛАВА 8 ПОЛИНА

Вот и старая добрая «Эра»!

Да, может, для кого-то заведение не вау, но именно здесь мне привычно и комфортно. Я могу позволить себе забронировать столик в любом клубе города, но безопасность у меня всегда стоит на первом месте. А здесь даже стены родные.

Мы с Олесей здороваемся с официантами, как с добрыми друзьями. Едва успеваем подойти к барной стойке, как бармен Макс оказывается рядом, тянется через стол и звонко целует нас в щеки. Он вообще очень милый и добрый парень.

— Давно тебя видно не было, — кричит мне на ухо и подмигивает.

— Дела-дела, — важно подмечаю, придиричиво рассматривая идеальный маникюр.

— Как обычно? — спрашивает он и тут же, не дождав-шись ответа, начинает готовить коктейли.

Поначалу я хочу попросить холодной воды, а потом машу рукой. Пусть. Опираюсь на барную стойку спиной и по-хозяйски оглядываю танцпол. Сегодня выступает местная группа, народ веселится.

Олеся флиртует со своим знакомым, которого случайно встретила. Накручивает на пальцы пряди волос. Сто раз говорила ей так не делать! Она снова за старое.

Влада с Галкой все еще хохочут взахлеб, вспоминая нашу авантюру: сбежать, не расплатившись.

•
:

38

Как мы и договорились, девочки, уходя якобы в туалет, незаметно прихватили из-за столика сумки, в том числе мою. Спустились на цокольный этаж, где забрали одежду из гардероба — днем уже довольно тепло, но ночью без кожаной курточки зябко. Вызвали такси и ждали у выхода.

Все прошло по плану. Я поторопила официанта со счетом и юркнула на первый этаж, затем рванула к выходу. Чуть с лестницы не свалилась, ноги на каблуках заплетались — так летела! Мы ворвались в такси.

— Гони, гони! — закричала на волне адреналина Галка, будто мы спасаемся от бандитов в каком-то боевике.

Я вытащила из пачки сигарету, но подкуривать в машине не стала.

Было весело и классно! Идея блестящая — девочки оценили. Все прошло как по маслу. Но удовольствия я почему-то не получила. По крайней мере, такого, как планировала.

Жалостливая Олеська — ей вечно лишь бы всем посочувствовать — как давай причитать в такси:

— А что будет, если у него денег нет с собой?

— Кредитки у всех есть, — возразила Влада.

— Не у всех. У меня нет, например, — парировала Галка. — А что? У меня карточка отца, ему тут же эсэмэски приходят, если я что-то покупаю. За бухлишко в «Затмении» он бы меня придушил!

— Его могут оставить мыть посуду? — Олеся свела брови домиком.

Бурное, приправленное градусом воображение моментально нарисовало в голове картинку, на которой военный хирург, спасший жизнь моей сестре, моет посуду в «Затмении».

— Ты фильмов пересмотрела! Дадут рассрочку ему, да и все, — обрubiла ее Влада. — В крайнем случае.

— Есть у него деньги. Много, — заверила я, насупившись.

Губы только огнем горели. Пылали так, что все время хотелось их трогать. Я смотрела в окно на ночной город и водила по ним фильтром от сигареты.

Полчаса прошло, а я только и думаю, что о его прикосновениях, и сердце колотится все сильнее и сильнее. То ли от адреналина, что щедро хапнула, пока уносила ноги,

то ли от одной мысли — что больше не поцелует. Он это сделал как-то... по-взрослому. У меня ноги подкосились — так вцепилась в его плечи, что даже стыдно стало. Упасть боялась!

Это вам не Пашка Гурьев, сын папиного друга, который мечтает закрутить со мной роман. И вечно садится за одну парту, если Олеся болеет.

С ним целоваться мне никогда не хотелось. Да и сегодня не очень-то тянуло. Наверное... Ветров сделал это силком! Этот бессовестный врач из Тиндера меня почти изнасиловал!

Но чувствовать себя жертвой упорно не получается. Я проверяю телефон: жду от него гадкого сообщения. Специально для этого не блокирую. Но сообщения все нет и нет.

Мы уже в такси сели, на светофоре три раза постояли, в клуб зашли, одежду в гардероб пристроили... он мог бы двадцать раз написать или позвонить.

Не моет же и вправду посуду? Надо спросить у папы, сколько он ему перевел.

— Жаль, не удалось остаться и посмотреть на его физиономию! — хохочет Влада. У нее низкий бархатистый голос. Если она ржет, то все на километр знают, что кто-то рядом с Владой смешно пошутил.

— Заткнись ты уже, — шиплю я. — Давайте сменим тему.

— Симпатичный парень, кстати, — говорит Галка. — Мне даже жаль, что он остался в «Затмении». Разбавил бы наш девичник.

— Тебе-то что? Он приезжал ко мне, а не к тебе, — напоминаю на всякий случай.

— Ну тебе он, судя по всему, не нужен.

— Как это не нужен? Да она потекла вся от его поцелуя! — смеется Влада. — Пришла за стол пунцовая и счастливая!

— После такой подставы он вряд ли полезет к ней еще. Где вы познакомились? В Тиндере? — не унимается Галя.

Подковы моего выдуманного боевого коня звонко касаются земли. Привычный цокот копыт, приглашающий всадника Ревности запрыгнуть в седло и ринуться в атаку, на пару мгновений дезориентирует. А потом, когда я при-

•
:

40

хожу в себя, понимаю, что это никакой не цокот, а сильное сердцебиение. Отчаянное, болезненное. Так раньше не было.

— Голова немного кружится, — кричу на ухо Олесе. — Пойду покурю на улице!

— Я с тобой! — отвечает подруга, забеспокоившись.

Девочки кивают, быстро допивают коктейли и следуют за нами. Мне настолько дурно, что я минуя гардеробную и отталкиваю загордившего проход и заболтавшегося с администратором охранника.

Мы вываливаемся на крыльцо четвером, отходим подалее от толпы. Я жадно втягиваю в себя влажный воздух, с Енисея веет приятным холодом. Достая сигарету, зажигаю. Пару секунд медлю, прикидывая, не станет ли хуже. И внезапно слышу за спиной до боли знакомый голос:

— А обещала, что бросишь.

Сигарета падает из рук на асфальт. Я округляю глаза в такой панике, будто нас отец застукал в курилке. Но это не отец! Это намного хуже! Папу я давно не боюсь — после того самого случая наши отношения сильно изменились. Что он мне сделает? Я как упала на дно, так на нем и обоживалась. Ничего нового.

А вот что может сделать Илья из Тиндера — я понятия не имею. Как он нас нашел так быстро?! Мы ни слова не говорили об «Эре»: я заранее запретила девочкам и строго следила, чтобы никто случайно не проговорился!

Подруги бросают на меня вопросительные взгляды, открывают рты. Что же делать? Бежать?

Ну да, от этого убежишь!

Илья подходит совсем близко. Я окидываю его любопытным взглядом — в клубе было слишком темно, рассмотреть не получилось. Успела только цепочку проверить на его шее во время поцелуя. Она была на месте.

Он в обычной гражданской одежде. Черная майка, темные джинсы, на ногах конверсы. Часов на руке нет, что для меня непривычно. Мужчина без часов — будто голый. Лицо чисто выбрито, даже щетины нет. А вот взгляд... острее бритвы. Боже, этому хирургу и скальпель не нужен!

Я быстро оглядываюсь в поисках поддержки, а Илья берет меня за руку.

Снова без спроса.

И ошутимо стискивает запястье. Пальцы стальные — будто в наручники заковал. Зачем-то смотрит на сотовый и хмурится.

Оторопев, я не сразу начинаю вырываться. Мы все вчетвером в полном ужасе. Так и стоим: он меня крепко держит, девочки молчат, как обезьянки перед удавом. Я тарашу глаза, забывая дышать и ожидая какой-нибудь гадости, например требования вернуть деньги или расплатиться натурой за ужин в «Затмении».

А когда я наконец забираю руку, он смотрит мне в глаза. Прищуривается на долю секунды, словно считая в уме, и выдает:

— Пульс сто четырнадцать, Полина. До хрена.

— Что? — хмурюсь, не понимая, о чем он. При чем тут счет в клубе и мой пульс? Как это связано вообще?!

— У тебя пульс зашкаливает, — ругается Илья. — Я заметил еще в прошлый раз в машине, когда держал тебя за руку. Но тогда списал на стресс, а сейчас что? У тебя всегда так?

— А сколько надо? — спрашивает Олеся.

— Ну, шестьдесят, семьдесят, — пожимает он плечами. Девочки тут же достают телефоны и начинают гуглить.

— А мне посчитаешь? — Галя протягивает ему руку.

— Как ты нашел меня? — Я растерянно оглядываюсь, возвращая внимание к своей персоне. Аккуратно и почти незаметно ударяю по Галкиной ладони, чтобы та убрала ее и не позорилась.

Отмечаю, как жадно девочки рассматривают каждый сантиметр моего врача. Все же он в шикарной физической форме. Высокий, широкоплечий. Крепкий. И взрослый. Взрослый мужчина — совсем не такой, как парни из нашей группы.

— Оставьте нас наедине? Ненадолго, — обращается он к девочкам, игнорируя мои слова.

Те вопросительно смотрят на меня, и я неуверенно киваю.

— Ты извини, что так вышло, — бросает напоследок Галка и трусливо юркает в клуб.

Он ей вслед только прищуривается.

Мы остаемся практически наедине. Выступление Limebridge в самом разгаре — все гости зашли в здание, чтобы потанцевать и от души покричать.

•
⋮

— Прогуляемся? — не то спрашивает, не то приказывает мне Ветров. Улыбки на его лице больше нет.

— Не-ет! — тяну я. — Говори здесь. Зачем ты приехал? Все же понятно.

— До моей машины тридцать метров. Давай там спокойно поговорим, давление тебе померим. Сто четырнадцать ударов. Куда так спешишь? Тебе восемнадцать, все успеешь.

— Под таким предлогом меня еще ни разу не пытались в тачку затащить! — Я округляю глаза и борюсь с улыбкой.

Несколько секунд мы играем в гляделки, после чего Илья усмехается. Не по-доброму, скажу сразу. Но после этого мне становится легче. Кажется, хирург ненадолго убрал скальпель. Живем!

— Я и шага с тобой никуда не сделаю, — скрещиваю руки на груди.

— А если понесу? — спрашивает он, шаря глазами по моему лицу.

У меня сердце, которое и правда что-то разогналось не на шутку, вдруг замирает и обрывается. Потом вновь оказывается на месте и устремляется вскачь. Я действительно спешу, сама не зная куда! Внезапно вспоминаю, что мне дурно! Голова до сих пор кружится. И ухватиться за чью-нибудь шею было бы неплохо.

— Понеси, — беру его на понт. Выгибаю одну бровь.

Я не слишком-то пушинка, если уж на то пошло. Выше и крупнее подруг, из-за чего нередко комплекую.

Он делает движение плечами, дескать, не вопрос. Подходит вплотную и... подхватывает меня на руки! Прижимает к груди, будто я не вешу шестьдесят три килограмма!

Тащит куда-то в темноту. Сейчас к реке подойдет и скинет!

От возмущения и паники я готова его покусать! Начинаю вырываться, тогда он перехватывает поудобнее и закидывает себе на плечо, как мешок с картошкой. Не забывая при этом ощутимо шлепнуть по бедру.

— Ай! Вообще-то, я в платье! — Пытаюсь поправить подол. Светить трусами совершенно не хочется. — Да что ты себе позволяешь!

Задираю его футболку и больно щипаю.

— Маньяк! — кричу, правда, не слишком громко. Чтобы не привлекать лишнего внимания.

ГЛАВА 9

— Ты теперь наш семейный доктор? — Моему раздражению нет предела. Все собираюсь съязвить про заманчивые вознаграждения, которые ему сулят за заботу о нашей семье, но язык не поворачивается. Вот не могу я обидеть его, и все! Хочу. Очень. Знаю как. Но зубы стиснула и сижу.

Этот мужик из Тиндера дотащил меня до машины. Мужественно терпел, пока я его щипала за поясницу. У него гладкая горячая кожа — трогать ее было сплошным удовольствием.

— Можно побольше уважения? — прошипела я в какой-то момент.

— Непременно, — пообещал он и устроил меня на плече поудобнее. Для себя поудобнее. По-свойски натянул мое платье пониже.

— Так нельзя с принцессами. — Я выписывала пальцем узоры на его спине, вспоминая, как он пару раз называл меня в телефонных разговорах.

— Нельзя, конечно. Хорошо, что ты не принцесса.

И пока до меня доходил смысл этих слов, он опустил меня на ноги, галантно распахнул дверь машины, а сам сел в водительское кресло.

Ну, я помялась пару мгновений на месте. Потерла плечи. Хо-о-олодно. И устроилась в машине рядом с ним.

Илья действительно достал прибор для измерения давления, надел мне на руку эту штуку, как ее там, и сейчас с совершенно серьезной физиономией смотрит на экран. А я смотрю на него.

— Ш-ш-ш, молчи и расслабься, — говорит он мне не-терпеливо.

Как же тут расслабишься!

В его машине очень чисто. Скромно, конечно, но мне нравится. Хочется думать, что он сам на нее заработал. А вещи, которые ты покупаешь самостоятельно... они будто особенные. Мне машину папа подарил на день рождения. Не спрашивал, какую я хочу. Просто подарил, и все. Я проверила, чтобы она стоила дороже той, что он купил Насте, и на этом успокоилась.

•
•

— У тебя совсем не получается расслабиться? Смотри, — ругается он.

Показывает мне экранчик. Пульс и правда сто четырнадцать.

— С таким не живут?

— Живут, но недолго. Кофе сильно любишь? — спрашивает.

— Пару чашек утром выпила, — отвечаю, пожимая плечами.

— Энергетики?

— Ну-у-у, — тяну я. — Всего-то один. Пол-литровый. И сейчас пару коктейлей с «Ред Буллом». Ладно, три коктейля с «Ред Буллом», четвертый только пригубила. Кстати, тогда мне и захотелось на воздух... Да ладно тебе, все нормально. Подумаешь, бьется. Главное, чтобы не остановилось, — улыбаюсь ему, пытаюсь флиртовать.

Мы вдвоем в машине. Кончик моего языка быстро скользит по нижней губе, смачивая ее. Илья не ведется.

Смотрит на меня, и от этого становится как-то не по себе.

— У тебя по глазам видно, что ты не в порядке, Польша. Ты ничего больше не принимаешь? Трава, опиаты?

Я быстро смотрю вниз, понимая, что он считает меня наркоманкой. От обиды едва не плачу, хватаюсь за ручку двери, собираясь выйти на воздух, но он берет меня за руку.

— погоди. Я же не ругаюсь, а просто спрашиваю. Я не стану тебя судить или осуждать, — его голос очень мягкий и участливый.

Он действует на меня ошеломляюще, и я остаюсь в машине.

— Нет, клянусь. Ни разу. Только алкоголь и обычные сигареты. — Мне очень хочется, чтобы он поверил мне. Очень-очень!

Отец не верил.

— Хорошо. Тогда скажи, у тебя есть страх перед белыми халатами? Мы уже пять минут просто сидим, отдыхаем, а сердечко твое все колотится.

Илья продолжает держать меня за руку. На моем запястье снова браслет из его теплых пальцев.

Считает удары.

Я слегка смущаюсь. Страх у меня перед белыми халатами нет. А вот перед ним... Это даже не страх, это очень сильное смущение. Но не признаешься же.

— Поехали покатаемся, — говорит он и заводит двигатель. — Твоя задача — дышать и отдыхать. Как тогда, помнишь?

— Моя куртка осталась в клубе... Хотя черт с ней. Поехали! — слышу я свой голос.

Пристегиваю ремень и откидываюсь на сиденье.

Машина трогается с места. Он выруливает с парковки и везет меня куда-то — понятия не имею куда. А я смотрю в окно на черноту плохо освещенных безлюдных улиц и улыбаюсь. Тихонько так, но широко.

ГЛАВА 10

•
:
46 Час пролетает незаметно. И нет, Илья не везет меня к себе домой или на пустырь убивать. Он знает, кто мой отец. Все знают, что я ушла с ним. На данный момент именно Ветров больше всех в этом мире заинтересован в моей безопасности.

Снова рискует. Лицо серьезное, спокойное. Машину ведет аккуратно, не слишком быстро, но скоростной режим нарушает. Я делаю вид, что увлечена видом из окна или ладонями, которые то и дело зябко потираю. Сама на него поглядываю. На крепкие руки, плоский живот, сильные ноги.

Я сделала все, чтобы никогда больше его не увидеть, но он решил иначе. Мне нравится, что у него на все собственное мнение. А еще мне кажется, что в мыслях он где-то далеко, забылся.

— Долго мы будем ездить туда-сюда? — спрашиваю, убавляя громкость музыки.

— Пока твой пульс мне не понравится. — Стреляет глазами на мои колени.

— Звучит как угроза. — Закидываю ногу на ногу так, чтобы подол задрался повыше.

— Возможно, — отвечает он, усмехнувшись. — Ты подумай о чем-нибудь приятном. Как только насчитаю ударов меньше сотни, доставлю тебя к родителям. В целости и сохранности. Раз уж у нас сегодня свидание, домой ты

попадешь не через БСМП. — Илья делает паузу и добавляет, покосившись на меня: — Пусть даже *некоторые* это свидание пытались по-тупому сорвать. — Затем возвращается глазами к дороге.

«Некоторые». Вау.

— Ты тоже думай о чем-нибудь приятном.

— Я так и делаю, — кивает он.

Его рука касается моего запястья. Теплая, большая, надежная.

— Завтра утром вызови на дом лабораторию, — между тем продолжает он наше свидание. — Я знаю, вы можете себе это позволить. Сдай общий анализ крови. Тысяча рублей делов. Тахикардия может быть вызвана анемией. Ну и запишись к терапевту, как раз с результатами придешь. Дальше по обстоятельствам.

— Спасибо за советы.

— Да пожалуйста.

Мы действительно довольно долго катаемся по городу, слушаем музыку по радио, расслабляемся. Мне бы хотелось, чтобы он включил что-то из своего любимого. Хочу получше его узнать.

Периодически он берет меня за руку, ищет пальцами венку, зажимает ее. Я ловлю себя на мысли, что уже жду этого прикосновения.

Любопытно, сколько должно пройти времени, прежде чем до моего врача дойдет, что именно он причина моей тахикардии?

Как мы вообще умудрились с ним познакомиться? Разные. Что-то ведь нашли друг в друге? Зацепились. Слово за слово, бывает же!

Около трех недель назад я умирала от скуки на философии, зашла в Тиндер и тупо свайпала всех парней в радиусе двадцати километров, кто более-менее на фейс. У Ильи мне понравились глаза — серьезные такие на молодом лице. В его глазах читался жизненный опыт.

«Был женат — стопудово», — расстроилась я. Разочарован, на женщин обижен, и все в таком духе. На хер, на хер. Но симпатичный, зараза. Есть у меня некоторая слабость к умным симпатичным мужчинам. Это у нас с Настей, наверное, единственная общая черта, ничего не поделаешь.

Свайпнула я его, в общем, и забыла. Через три дня он меня свайпнул в ответ и прислал в чат: «Ты очень красивая. Привет! Покажешь еще фото?»

Здрасьте, проснулся он! Я за эти дни могла четыре раза замуж выйти.

Впрочем, в его анкете было четко сказано, что серьезных отношений мужчина не ищет, — это меня вполне устраивало. Почему бы и не пофлиртовать? Исключительно от безделья.

«Ну привет, — написала я ему тут же. — Ты во всем такой тормоз? Я уж и забыла о тебе, три дня прошло».

«А к чему нам спешка?»

«Пока ты думал, мне пять свиданий назначили».

«Сходила?»

«Сходила».

«Зря».

Странный был диалог — будто мы знакомы уже лет сто и сейчас препираемся по старой дружбе.

Философия все никак не заканчивалась. Уже рот болел зевать — так интересно было слушать лектора. Я повернулась к Олесе, чтобы поделиться и обсудить наглого парня. По привычке повернулась, но подруги в тот день на учебе не было.

Вместо нее рядом со мной сидел Пашка Гурьев, тот самый сын друга моего отца, который не теряет надежды. Он приветливо улыбнулся, всегда готовый к диалогу, но я поморщилась и вернулась к переписке.

Отправила Илье три точки, дескать, не знаю, что и сказать.

«Предполагаю, что не очень успешно все прошло, раз так быстро мне ответила», — написал он мне снова. И затаился.

Я хотела его забанить навсегда, а потом вдруг... рассмеялась!

«Ревнуешь, что ли?» — Пальцы сами полетели по кнопкам.

«Если бы мог, ответил бы раньше, Полина. Честно. Расскажешь о себе? Ты работаешь, учишься? Тебе точно двадцать три?»

«Если ты из тех, кто обожает длинные переписки, то сразу говорю: нет. Нет. НЕТ!» — проигнорировала я вопросы.

Существует определенный тип людей, которые обожают переписываться. Часами, месяцами, годами. Их паль-

•
•

цы заточены под кнопки телефона, а на каждую эмоцию давно подобран подходящий смайлик. И вроде бы все прекрасно, но едва разговор заходит о встрече — сразу появляется тысяча причин, чтобы отменить, перенести, отложить. Фейки.

Среди них большинство женщин, но и мужчин достаточно. Так вот, виртуального друга я себе не искала, мне хотелось сходить на свидание. Познакомиться по настоящему.

Снова в анкету заглянула — хорош ведь! Очень. Он еще пару селфи выложил, я тут же принялась увеличивать, рассматривать. Те самые родинки на щеке, реснички темные, брови густые. Мужественные черты лица, тонкие губы, выразительные скулы. И эти глаза — внимательные, умные. Как тут пройти мимо?

«Понял. На фиг вопросы и длинные переписки. Ты мне понравилась, Полина. Очень. На кофе приглашу тебя скоро. Скинь мне номер сотового и жди», — пришло от него.

Я оторопела. И даже моргнула, глазам своим не поверив. В каком смысле «жди»?

Растерялась почему-то.

Сразу ничего на ум не пришло остроумного, а когда начала печатать ответ, от Ильи пришло новое сообщение:

«На следующей неделе спишемся. Больше ни на какие свидания не ходи. До скорого».

После этого он снова пропал. Я была поражена до глубины души: так меня еще ни один парень не динамил. Разозлилась тогда адски и забыла о нем навсегда.

Де-мон-стра-тив-но.

Хотела назло Илье из Тиндера каждый день веселиться и знакомиться с парнями, но он словно проклял меня. Этим же вечером я свалилась с температурой и четыре дня провела в постели. Даже занятия не посещала. Тогда он появился в сети снова, и мы разговорились.

А потом созвонились. А еще через пару дней я поняла, что жду этот чертов кофе в его компании с нетерпением!

С Ветровым было интересно просто разговаривать по телефону обо всем подряд. Слушать байки из его студенчества, которые он травил в ответ на мои жалобы из-за учебы. Илья довольно быстро просек, что мне не двадцать три — пришлось признаться, что учусь на втором курсе.

Обо всем этом я внезапно забыла, когда решила развести его на деньги в «Затмении». И испортила наше второе свидание.

— Смотри-ка, девяносто восемь! — говорит он, вырывая меня из размышлений. — Кажется, это наша победа. Где ты, говоришь, живешь?

Я называю адрес. Хочу добавить: «Пожалуйста, давай еще покатаемся. Мне очень-очень хорошо сейчас!» Но вместо этого произношу:

— Коттеджный поселок, чуть за городом. Показать в навигаторе?

— Я знаю, где это, — кивает он, перестраиваясь в левый ряд и готовясь к повороту.

Нас тормозят только светофоры, и то ненадолго. Я немного подсказываю, где лучше повернуть, чтобы ехать подольше, он слушается. Итого, со всеми моими стараниями, на дорогу уходит почти сорок минут.

— Вон тот дом. Видишь кованые ворота со львами? Наш — через два от него.

Илья останавливает машину задолго до ворот со львами. Гасит фары. Освещение на улице скудное, поэтому становится совсем темно. Можно сказать, мы с ним оба застываем в готическом лунном свете. Он поворачивается ко мне и смотрит внимательно.

Если он снова возьмет меня за руку и нащупает венку, то нам опять придется кататься туда-сюда. Но я не хочу больше кататься. Хочу настоящее свидание с ним. Как договаривались. Мы ведь можем сделать вид, будто той дурусти в «Затмении» не было? Вдруг становится все равно, что он взял деньги отца. Ну взял, ну и что? Это ведь не умаляет того подвига, что он совершил для меня.

Илья отстегивает свой ремень безопасности, потом мой.

— Больше не пей энергетики, — говорит он покровительственно. — Особенно вперемешку с водкой. Вообще забудь навсегда про любые кофесодержащие газировки. Тебе они противопоказаны.

— А сам кофе?

— Недельку пережди, потом, если сильно будет хотеться, начни по чашке в день. Маленькой. В идеале бы купить пульсоксиметр и следить за реакцией на те или иные про-

дукты питания. — Он вздыхает: — Но ты ведь следить не будешь.

Я поджимаю губы.

Мы смотрим друг на друга. Мимо проезжает машина, краем глаза я отмечаю, что это внедорожник отца. Видимо, папа прилетел ночным рейсом. С помощью пульта он поднимает ворота и заруливает во двор, не заметив нас с Ветровым. Боже, ему даже в голову не может прийти, что дочь в машине с парнем!

Я тянусь к Илье и трогаю его цепочку, перебираю теплые крошечные звенья.

Его рука касается моего подбородка, я опускаю глаза и прикусываю губу.

«Будешь моим первым?»

«Да!!!»

Вспоминаю нашу переписку, чувствуя, как лицо заливает румянец.

Его ладонь неспешно поглаживает мою щеку, затем обхватывает затылок. И замирает. Я боюсь поднять на него глаза. Почему-то адски волнуюсь. Из-за того, что может сейчас произойти. Или не произойти.

— Если ты меня не поцелуешь, оно и правда разорвется, — говорю я не то сердито, не то жалобно.

Касаюсь рукой своей груди, будто пытаюсь защитить от него свое сердце. Глупо так, наивно. Глаза все еще не поднимаю. Смотрю на его колени. В темноте джинсовая ткань кажется черной.

Илья наклоняется и целует меня. От касаний его губ вновь бросает в пот, как в том клубе. Голова начинает кружиться. Отчаянно обнимаю его за шею, чувствуя себя в полной безопасности. С ним. Он отрывается от меня, и я жалобно всхлипываю.

— Поля, Полечка, — произносит он едва слышно. — Торопыга ты, — усмехается, но в этот раз беззлобно.

— Еще, — шепчу. — Еще так же.

— Еще? — спрашивает он.

— Да, пожалуйста, — учусь просить вежливо.

Хватка его пальцев становится крепче, Илья приближает мое лицо к себе и снова целует, но уже иначе. Теперь его язык

сразу проникает в рот и переплетается с моим. Его вкуса и запаха так много! Не духов или туалетной воды, а именно мужского, настоящего. И сам он такой... настоящий. Пылкий, жаждающий. Ошущений море, я нетерпеливо ёжусь в кресле. Ставлю ноги на резиновый коврик и машинально расставляю колени чуть шире — до этого сидела, закинув ногу на ногу.

Секс... Я много о нем читала и хотела бы однажды попробовать. Не просто ради галочки, а если сильно захочется близости с каким-то человеком. Той самой особенной близости. Когда сами объятия потрясающие, но их становится уже недостаточно. Когда вторжение его языка в рот ошеломительно приятно, и тело начинает нуждаться еще и в другом вторжении. Когда хочется принадлежать мужчине полностью.

Он снова отрывается, облизывает губы, я делаю то же самое. Мы дышим друг на друга, мои пальцы отчаянно гладят его шею, затем ерошат короткие волосы на затылке. Протискиваются под ткань майки, чтобы касаться лопаток.

Он легонько пробегает поцелуями по моей щеке и снова прижимается к моим губам. Я закрываю глаза и растворяюсь в его объятиях.

Это самое лучшее и самое настоящее свидание в моей жизни!

Чуть позже я откидываюсь на спинку кресла и тяну его за собой. К себе.

Боже, если мы не остановимся, мой первый раз произойдет под окнами родного дома! Под самым носом у отца. Я с ума сошла! Он целует мою щеку, переходит на шею. От касаний влажного языка все волоски на теле дыбом и так жарко... Я часто слышала грубое выражение «потекла от него» и, кажется, только сейчас поняла, что это значит.

Глажу, глажу его по лопаткам, потеряв всякий стыд. И жду, что он сделает дальше.

ГЛАВА 11

— Вау, — шепчу я ему на ухо.

Слов не осталось, да и нужны они разве?

— С тобой очень легко потерять голову, — отвечает Илья, целуя меня в висок. У него тягучий хриплый голос. — Легче легкого, мажорка.

•
•

52

Прыскаю в ладонь из-за этой его мажорки. Придумал тоже!

Не могу знать наверняка, но мне кажется, что он адски меня хочет. Его дыхание, движения, слова — все вместе безумно заводит. Еще заводит то, что он с собой борется и не спешит. В этом есть что-то особенное — когда мужчина проявляет волю и игнорирует желания собственного тела.

— Красивая? — шепчу еще тише, напрашиваясь на комплимент.

Декорации давно потеряли значение. Хочется прямо сейчас уехать с ним на край света.

Я лежу в его объятиях, губы зацелованы так, что не приронуться к ним. Пылают, пульсируют. Ладонки вспотевшие. Он касался языком моей шеи, плеч, кончиков пальцев. Он будто дотронулся до каждой клеточки моего тела, не прикрытого тканью откровенного платья. Пропитывая меня собой, делая ему принадлежащей.

Мы долго целовались, гладили друг друга. Я хотела стащить с него майку и провести пальцами по коже, потрогать мышцы. Возможно, тоже поцеловать торс или даже живот. Но он не разрешил. Тогда я доверчиво прижалась, а он сказал, что я во всем спешу. Пошутил, что следую за своим сердцем, которое привыкло биться впереди планеты всей. Мне очень многое хотелось ему рассказать и объяснить. Он как будто... видел меня насквозь и хотел такую, какая я есть. Он таким и был изначально — только моим незнакомцем из приложения. Моим секретом. Моим открытием. Моим будущим первым.

— Красивая, — кивает. — Вкусная красивая девочка.

Расслабленно-покровительственная манера речи больше не смущает. Не в эту минуту.

— Тебя не будут ругать, что поздно пришла домой? — спрашивает он.

— Да какая разница, — пожимаю плечами. — На мне давным-давно поставили крест.

Он улыбается.

— Это они зря, конечно. — Потом тянется к сотовому, проверяет время. — Спасибо за вечер, Полина. Мне пора ехать, уже очень поздно.

— Да, разумеется. — Я делаю паузу. Вытираю пальцами под глазами, проверяя, не осыпалась ли тушь. Хорошо, что здесь темно и он не видит. В темноте целоваться приятнее. — Ты позвонишь?

— Нет, — отвечает не раздумывая.

— Нет? — переспрашиваю.

Сначала мне кажется, что Илья шутит. А когда я понимаю, что нет, кожа начинает гореть в сто раз сильнее прежнего. И если раньше жар доставлял удовольствие, сейчас он ранит.

— Почему?.. В смысле, что-то не так? Ты из-за тех денег в «Затмении»? Да это просто шутка была! Я все верну! Хочешь, прямо сейчас верну? — Хватаюсь за телефон. — У тебя карта привязана к телефону?

— Полина. — Он берет меня за руку.

Останавливает не столько жестом, сколько тоном. Илья Ветров не тот человек, перед которым можно закатывать истерики, поэтому я молчу.

— Не нужно ничего возвращать. Я обещал тебе свидание, оно прошло хорошо. Но продолжения у наших отношений я не вижу. На этом моменте нам стоит их закончить.

— Это из-за моего отца? — спрашиваю, хмурясь.

— Из-за всего. И из-за твоего отца в том числе. Ошибка может стоить мне слишком многого.

— Например, чего?

— Карьеры, — пожимает он плечами. — Работы, жизни в родном городе.

— Ты целовал меня и раздумывал, стою ли я рисков?

— Не ты. — Он касается моего подбородка, проводит пальцем по губам. — А интрижка с тобой.

На языке откуда-то появляется горький привкус. Я легонько целую его большой палец и опускаю глаза.

— Но я способна не только на интрижку. Как насчет настоящих отношений? Ради любви ты... так просто откажешься от любви?

— Настоящих отношений? У нас? — уточняет, приподнимая брови.

Его искреннее удивление разбивает мне сердце. Буквально разрывает его на части.

— Да, почему нет?

•
•
•

Я уже давно падаю, с самого начала этого жестокого разговора. Так чего уж строить из себя гордую. Падаю и отчаянно тяну к нему руки. Чтобы поймал и вытащил.

— Ты еще совсем юная девочка. Капризная, ветреная. И все это хорошо, просто мне не подходит. Со мной нелегко. Я почти уверен, что ничего не получится, и этот провал обойдется мне дорого. Полин, Поль... у меня и правда нет времени носиться за тобой по клубам, считать количество выпитого, тратить целые ночи на одни только поцелуи.

Я вспыхиваю.

— Мы можем просто забыть о случившемся в «Затмении»? — говорю быстро. — Ты совсем меня не знаешь. Ни капельки. И не хочешь узнать.

— В твоем окружении огромное количество парней, которые радостно во все это впишутся, — продолжает он свою мысль абсолютно спокойно.

Вот так просто — отдает меня каким-то другим парням и даже не ведет бровью. Сначала целовал полночи, а теперь отдает!

Хочется расплакаться, но я понимаю, что этим лишь подтвержу его слова. Колоссальным усилием воли беру себя в руки.

— Мы изначально договаривались о паре встреч, но даже это слишком рискованно. — Он быстро облизывает губы. — Надеюсь, у твоей сестренки все наладится. И у тебя тоже.

— Я могу быть не ветреной и не капризной. Научиться мудрости. Стараться поступать обдуманно, а не опрометчиво. Ты просто... даже не представляешь, как я жила и что со мной было. Просто... — Растерянно оглядываюсь, понимая, что исчерпала словарный запас. — Я поверила тебе и позволила... почти все позволила.

— Отнесись к случившемуся как к приключению. Ты ведь ради этого зарегистрилась в Тиндере? Ради эмоций и приключений.

— Ты даже не хочешь дать мне шанс? Один?

Илья смотрит мне в глаза очень внимательно.

— Ничего не получится.

— Уверен?

— Абсолютно.

— Тогда прощай. — Я берусь за ручку двери.

— Береги себя, — говорит он напоследок. — И особенно сердечко.

То самое, которое ты только что собственными руками выбросил за ненадобностью?

Я выхожу из машины и устремляюсь домой. Стараюсь не бежать, идти ровно, держать спину максимально прямо. На ходу достаю из сумочки ключи. Не сразу получается попасть в замочную скважину, ключи падают, я наклоняюсь, шарю по плитке, кое-как нахожу и, наконец, попадаю во двор. А потом в дом.

Руки грязные: запачкалась, пока ощупывала плитку. Вытираю их о дизайнерское платье.

Скидываю туфли и бегу в свою комнату. Папы нигде не видно, наверное, они с Настей рассказывают, как друг по дружке соскучились.

А я не стою рисков.

Падаю на кровать и закутываюсь в одеяло. Я ведь сама во всем виновата — решила отомстить ему, посмеяться. Детский сад! Он, видимо, прикинул, какими будут наши отношения, и перекрестился. Взрослый мужчина, врач... Глупо было думать, что он всегда будет бегать за мной, закидывать на плечо и утаскивать в темноту.

Но я ведь... умею и иначе тоже. Достаточно взрослая, чтобы не ломать, а строить. Если бы я только могла отмотать время назад, я бы ни за что так не поступила! Если бы он только дал мне шанс!

Раздается стук в дверь, я отрываюсь от подушки. Папа заходит и замирает на пороге.

— Поля... Полька, господи, что случилось? Тебя кто обидел?!

— Нет, никто.

Он подходит, берет меня за руку и заставляет посмотреть ему в глаза. Проверяет, нет ли на мне синяков или ран.

— Все в порядке, папа. С возвращением домой. Я скучала, — силюсь улыбнуться.

И я правда очень по нему скучала. Он своеобразный человек, но другого отца у меня нет и не было. Да и матери нет. Он и сестра — мои самые близкие люди. И для них я важнее рисков.

— Поля, что произошло? Ты скажешь или нет? — начинает он злиться.

•
:

— Просто... с парнем поссорилась.

— Он тебя обидел? — На лице отца застывает неподвижная маска, но я понимаю, что он в бешенстве. — Кто? Тот хирург?

И тут до меня доходит, о чем говорил Ветров. При любой ссоре я могу пожаловаться отцу, и тот превзойдет себя в мести. Неравные отношения. Никаких шансов.

Слишком опасно.

— Нет, он вообще ни при чем. Никто ни при чем. Папа, просто оставь меня одну. Умоляю, дай мне время прийти в себя, пожалуйста!

— Саш, иди. — На пороге появляется Настя. Она в шелковом халатике и мягких тапочках. — Я поговорю с ней сама. Пожалуйста. Не всегда нужно махать кулаками.

Папа медлит, потом целует меня в лоб и нехотя выходит из комнаты. Он всегда ее слушает, хотя она старше меня на каких-то семь лет.

Как только за отцом закрывается дверь, Настя присаживается на край кровати. Обнимает меня. И я замираю, позволяя себя покачать.

— Я ему не скажу, — говорит она тихо, имея в виду папу.

— Он больше не позвонит, — отвечаю еще тише, имея в виду Ветрова. — Никогда.

— У вас что-то было?

— Нет, — качаю головой. Слишком большие риски. Даже попробовать.

— Поля, я просто буду рядом, но я должна знать. Он взял тебя силой?

Снова качаю головой.

— Хорошо, — выдыхает она. — Вы предохранялись? Это очень важно, моя дорогая.

— Ничего не было. Потому что он не захотел. Меня... со мной.

— Из-за папы? — Настя сразу все понимает.

— Да.

— А ты хотела?

Плачу.

— Я, кажется, влюбилась.

— Моя ты девочка. — Она сама всхлипывает, словно это ее бросил парень. — Мы это переживем, — говорит. — Будет трудно, но мы справимся.

— Я не знаю.
— Обязательно.

Я утыкаюсь ей в плечо и молчу. Мысленно благодарю за то, что она не смеется и не обесценивает мои чувства. Подумаешь, первая любовь. Подумаешь, какой-то парень.

Она этого не говорит, и я позволяю ей оставаться со мной.

Потом Настя укладывает меня в кровать, выключает свет и ложится рядом.

— Может быть, он еще пожалеет о своем решении? — спрашиваю я.

— Скорее всего, так и будет. Как только поймет, какая ты на самом деле. Ранимая, добрая, хорошая, — шепчет Настя.

Она проводит со мной всю ночь, несмотря на то что отец вернулся из долгой командировки. Не представляю, что я должна ей за это. И смогу ли когда-то расплатиться.

⋮

ГЛАВА 12

Завтрак в семье Барсуковых всегда проходит одинаково. Когда папы нет в городе, мы с Настей пьем кофе в разное время, стараясь не пересекаться на кухне, чтобы не портить друг другу настроение.

Когда же отец дома, он всегда встает рано и садится за стол не позже семи. Настя следует за ним по пятам. Я тоже по возможности присутствую, даже если учусь во вторую смену. Папа любит, когда мы собираемся вместе.

Мы молча едим, каждый сидит в своем телефоне или планшете. Читаем утренние новости. За ночь ведь произошло так много всего интересного! Вкусно пахнет омлетом или яичницей, свежесваренным кофе.

Я хрущу хлопьями, ожидая, когда папа не выдержит и скажет заветные слова: «Нормально бы поела, что это за сухой корм для собак?!» — и протянет мне вареное яйцо или яблоко.

В этот момент я обычно послушно беру предложенную им еду, звонко целую отца в щеку, обнимаю за шею крепко-крепко и убегаю по делам.

А у вас в семье какие ритуалы?

— Да, погода подвела. Опаздываем с доставкой, — бубнит папа себе под нос. — Что же делать, что же делать?

Настя бросает на него тяжелый взгляд, потом возвращается к овсянке на воде, никак не комментируя. Очевидно, папа спрашивает о том, что ему делать с просроченной доставкой медицинского оборудования в какую-то ультраткрутую клинику, не у нас с ней.

— Николай Григорьевич позвонит с минуты на минуту, как пить дать.

— Но ты ведь не виноват, что самолеты экстренно посадили в Варшаве, — поддерживает его Настя, мягко погладив по руке.

Вот как у нее так получается? При всех недостатках и молодости она всегда знает, как правильно поддакнуть мужчине, в нужный момент заглянуть в рот или в глаза. Или же, наоборот, промолчать, не провоцируя конфликт. Вот лиса!

— Кого интересует здравый смысл, когда дело касается денег? — жалуется он ей.

Хрум-хрум.

— Вообще никого, — встречаю я. — Деньги всегда у всех на первом месте.

Папа задерживается на мне взглядом чуть дольше обычного, но я сейчас говорю не о его молодой жене. Я вообще на нее не смотрю с самого утра. Никаких колкостей или насмешек. Плохого она сегодня не заслужила. Пусть пока живет.

— Как ты, дочка? Вчера испугала меня.

— Нормально, — пожимаю плечами. Хрум-хрум.

Если их залить молоком, то будет вкуснее. Но не так громко.

— Все правильно, ничего хорошего с этим парнем у тебя бы не получилось, — говорит отец деловито, возвращаясь глазами к планшету. — Мало того что хирург, — хмыкает он презрительно, — так вдобавок военный. Они же все с промытыми мозгами еще с медакадемии. — Крутит у виска, продолжая читать свое. — Будешь всю жизнь за ним мотаться по военным частям и питаться одной картошкой...

Тут нужно понимать, что у моего отца тоже медицинское образование, но он ушел сразу после учебы, даже ор-

динатуру не стал выбирать. Решил заниматься бизнесом. Поначалу дела у него шли так себе — он сильно прогорел на аптеках. Затем мой дедушка по маме куда-то там пропихнул его, с кем-то познакомил или что-то посоветовал... уж не знаю наверняка, но после этого папа начал заниматься продажей медицинского оборудования. Везти из-за бугра. Ну и воровать, разумеется, у государства по возможности. Из-за чего большинство его сокурсников, которые все же стали настоящими врачами, относятся к нему с легкой долей презрения. Или с черной голодной завистью, как утверждает сам отец. Потому что «им всем и не снились деньги, которые я зарабатываю» и вообще «они тупые».

Ну да, могли бы и восхищаться моим отцом посильнее. Что им, трудно, что ли, упасть ниц на встрече выпускников?

Хрум-хрум.

Любимая тема для разговора в нашем доме, особенно если папа выпьет, — как голодно в России быть медиком и какой он молодец, что выбрал себе другую судьбу.

— ...как какая-то шлюха гарнизонная, прости господи! — заканчивает он.

Я вскидываю глаза, округлив их. Мы с Настей замираем.

— Саш, вот последнее было точно лишним, — говорит она укоризненно. — Он ведь помог Мие и заслужил капелюк уважения.

— Прошу прощения, девушки. Нервы. Каждый из нас волен выбирать свою судьбу сам. Силком его в профессии никто не держит, хочет вести пациентов — на здоровье. Но почему он при этом ждет какой-то особенной благодарности? Да еще и от моей дочери!

— А он ждет? — спрашивает Настя.

— Это он сейчас молодой-красивый. Потом начнет пить... ай, — взмахивает папа рукой. — Все верно, дочка. Ты молодец, я тобой горжусь. Не уровень нашей семьи. — При этом он окидывает кухню взглядом и получается так, будто Ветров не по уровню нашей кухне.

Мне так сильно хочется отжаться Илье во всех позах прямо сейчас, что аж перед глазами рябит.

Хрум-хрум.

— Насть, а в какое время приемные часы в роддоме у Мии? — переводит отец тему.

— Мы в прошлый раз в девять приезжали, — отвечает она.

— Тогда собирайся. Надо разобраться, что к чему, переговорить с Федором Игоревичем. Может, малышке какие-то лекарства нужны или особый уход, который не может предоставить наш роддом.

— Так а что с разводом-то? Ты ведь сотрешь этого хрена Арсения в порошок? — спрашиваю, смотря ему в глаза.

— Сначала займусь акушеркой. Промыла Мие мозги. Твоя сестра, конечно, меня поразила, это же надо додуматься — рожать за городом! Еще и мужа подбила стать соучастником.

— Так Арсений же как раз и втянул сестру во всю эту тему. Он состоит в клубе агрессивно настроенных к ГМО. Именно он отыскал акушерку и запрещал мне звонить в неотложку. А потом прятался на втором этаже, пока Мия страдала.

— Если все так и есть, то Мия вернется домой, Полина. Мне Арсений сказал, что ему стало плохо и он потерял сознание. Не все люди могут себя контролировать в стрессе.

— Я смогла, — бойко перебиваю.

— Это его ребенок, его жена, Полин, — заканчивает отец. — Другой уровень стресса.

— Ну да, а я просто мимо проходила.

— Саша! — Настя всплескивает руками. — Ты меня сегодня пугаешь!

Я встаю из-за стола, чмокаю отца в щеку и ухожу к себе.

— Ты к сестре поедешь? — кричит он мне вслед.

— Нет, у меня ленты в обед. Передайте Мие привет! Я буду рада, если она вернется к нам.

Илья тоже не удивился поведению Арсения, но объяснил иначе. Действительно, многим людям, даже крепким мужчинам, может стать дурно при виде крови. Может случиться паническая атака, когда дышать тяжело, не то что предпринимать попытки помощи.

Ветров рассказывал, что ему стало нехорошо во время первой операции, на которой он присутствовал, еще будучи студентом. Сознание просто уплыло, чуть не упал. Стыдно было ужасно перед одноклассниками. Девчонки выстояли, подкалывали потом. Но все пришло с опытом. Кстати, многие отличники из его группы ушли из профессии,

а он — остался. Наверное, не всегда оценки на экзаменах определяют будущее человека. Никто не может решить за тебя, будешь ли ты хорошим специалистом: ни надменные одноклассники, ни родители, ни учителя. Только ты сам.

Я думаю о его словах на занятиях, а потом во время подготовки к экзаменам. Вообще много думаю о нем и о том, что он говорил мне в разное время. Почему-то удалось запомнить чуть ли не каждое слово.

Бывает же так, что с одним человеком видишься ежедневно, а по итогу и вспомнить нечего. А другой пронесется по твоей жизни галопом. Вот он есть, а завтра уже и нету! А след оставляет такой яркий, что не затрешь и не закрасишь.

Периодически я проверяю, на месте ли его анкета в Тиндере. Ничего не пишу, встреч не ищу. Просто живу дальше, пытаясь забыть поцелуи и шепот. Касания. Вот только никак не получается.

Готовлюсь к сессии, встречаюсь с подругами, хожу на вечеринки, которых в моей жизни становится все больше и больше. Мия с малышкой по-прежнему в больнице. Сестру выписали, а маленькую Нину — нет, ей колют антибиотик, лечат пневмонию и что-то еще. Я редко езжу к сестре — она похожа на тень самой себя. Мне очень хочется помочь, поддержать ее, но я не обладаю врожденной тактичностью. Едва увидев родные заплаканные глаза, еле сдерживаюсь, чтобы не начать оскорблять Арсения, а такой подход мало кому может помочь.

Еще вот пульсометр купила. Смешно даже! Теперь смотрю на него и о своем враче думаю. Каждый раз.

Двадцатого июня я кое-как закрываю сессию, но радости не испытываю. Потому что *его* анкеты больше нет. Удалил. Тут вариантов два: либо его dokonали другие любительницы Тиндера, либо... с кем-то наконец познакомился.

ГЛАВА 13

Мы с друзьями идем по улице Мира в сторону любимой пиццерии, когда Пашка вдруг забрасывает удочку:

— Никто не хочет в кино?

Идея неплохая. Начало августа, мы не виделись с одноклассниками месяц, встретились в первый день практики.

На инструктаж о том, что нам предстоит делать в ближай-
шие три недели, у препода ушло полчаса, после чего мы
были отпущены на волю. Всемером прогулялись до смо-
ртовой площадки с целью покурить, поболтать, поделить-
ся новостями. Время пролетело незаметно. Расходиться по
домам не хотелось, погода радовала, и мы решили поесть
все вместе в центре.

— Да, давайте. Сейчас посмотрю, что там идет, — ки-
вает Олеся, доставая телефон. — На восемь есть неплохой
ужастик.

Пока перекусываем в пиццерии, пока снова курим,
пока то-сё, наступает вечер.

Я осторожно паркую машину на крошечном свободном
месте недалеко от кинотеатра. Олеся сидит рядом, Паш-
ка стоит на улице и следит за тем, как я выкручиваю руль.
Поначалу он каждый раз бросался жестикулировать, яко-
бы помогая мне вписаться в парковочное место, но я по-
просила его больше так не делать. Он послушался и с тех
пор наблюдает за моими действиями всегда молча, терпе-
ливо ожидая, когда я заглушу двигатель, чтобы открыть
мне дверь и подать руку.

Сегодня Пашка поступает так же. Галантный до мозга
костей. Наши отцы чуть ли не каждую неделю вместе бу-
хают в каком-то охотничьем клубе, ну и нам сам бог велел
подружиться. Вот только Гурьев хочет большего, даже це-
ловаться ко мне пару раз лез, заставляя врасплох. Первый
раз почти год назад, на посвящении в студенты, а второй...
на каком-то зимнем празднике. Бр-р-р. Он не та компа-
ния, в которой девушка может позволить себе расслабиться
и забыться.

Пашка, в общем-то, неплохой, нормальный парень,
вот только я к нему ничего не чувствую. Полный ноль.
Ни его тачка, ни белоснежные виниры, ни брендовые
штаны меня не впечатляют. Когда он держит за руку, вот
как сейчас, сердце не колотится, дыхание не учащает-
ся. Секс — это ведь когда объятия потрясающие, но тело
требует быть еще ближе. А если даже обниматься не хо-
чется?

Влада утверждает, что главное — начать. Аппетит при-
ходит во время еды. Разве можно распробовать секс, если
им не заниматься? Это как курить сигареты. Первые

несколько затяжек всегда противные, вызывают отторжение и даже рвотный рефлекс, а потом жить без этого дела не можешь.

Хм.

Веселой компанией мы заваливаемся в кинотеатр, смеемся, болтаем. Ничего не предвещает беды, как вдруг мой взгляд цепляется за знакомый затылок. Поначалу кажется, что у меня галлюцинации, но ошибки быть не может. Это он. Тоже пришел в кино. Случайная встреча на нейтральной территории!

Сердце срывается с крючка, или на чем оно там держится под ребрами, и ухает вниз. Да так быстро, что в ушах начинает гудеть.

Я тут же отвожу глаза, здорово перепугавшись! Всегда одна и та же реакция на него — страх и волнение.

Ну до чего же потертый у них тут пол! Полминуты я шаркаю сандалиями, словно пытаюсь его почистить.

А когда, не выдержав, наконец вскидываю глаза, Илья Ветров смотрит точно на меня.

Замираю. И он, кажется, тоже. Почему он обратил внимание на нашу тусовку — понятно и так: с нами Влада, а значит, ее смех звучит повсюду, рупора не надо. Но объектом внимания становится не она, а я.

Легкая улыбка — как первая реакция — отражается на его лице. Рад меня видеть, а у меня кожа горит, воздуха не хватает. Боже, два месяца прошло после нашего свидания, а кажется, словно одна минута. Я ничего не забыла. А он?

Илья быстро оценивает нашу компанию, и я моментально выдергиваю ладонь из рук Пашки, почему-то почувствовав стыд и вину за то, что позволила другому мужчине коснуться себя.

На лице Ветрова отражается понимание, а следом — равнодушие, он слегка мне кивает. Я киваю в ответ. Пашка снова ищет мою ладонь, я ее не даю, в итоге злюсь, отхожу от него на шаг и прячу руку за спиной. Ветров это видит и усмехается.

Краска заливает лицо. Ему смешно, а мне обидно!

Отворачиваюсь и довольно резко прошу Гурьева перестать ко мне лезть! Сколько можно уже? Мы не пара!

Следующие пятнадцать минут, пока ждем сеанс, я изрядно нервничаю. Поглядываю на Ветрова украдкой, ищу

•
•

64

его силуэт в отражении зеркал и на прочих блестящих поверхностях.

Он здесь, он близко. Так близко ко мне!

И каждый раз, когда я нахожу его взглядом, — он смотрит на меня. Буквально глаз не сводит. Надо подойти и поцеловать Пашку прямо сейчас, пусть Илья полюбуется! Гурьев, конечно, бахнется в обморок, ему станет больно, но и ладно.

План мести возникает в моей дурной головушке мгновенно, но в жизнь я его претворять не спешу. На самом деле поцеловаться с другим на глазах Ильи для меня почему-то уму непостижимо.

Замечаю, что к Ветрову подходят двое. Взрослый, примерно его ровесник, мужчина и славная блондинка лет двадцати пяти. Девушка обнимает Илью за шею, а потом... легонько целует в губы. Тот обнимает ее за талию и улыбается.

А я... ощущаю себя полной идиоткой! Из-за того, что тону в никому не нужном чувстве вины. Из-за самой ситуации. Из-за пульсометра, который буквально взбесился!

Жизнь — штука отвратительная. Мы купили билеты на один и тот же фильм, стоим в коридорчике, ждем, пока уберут в зале после предыдущего сеанса. Этот гад смотрит на меня, обнимая блондинистую подружку, — буквально поедает глазами. Хочется пожелать ему приятного аппетита. Подавится — что она делать-то будет?

Я вообще на него не смотрю, занята собственными делами, смеюсь едва ли не громче Влады, пью газировку. Ребята тянут уже по третьей бутылке пива, решив бросить машины на парковке. Уговаривают меня сорваться, но я не люблю оставлять авто в городе.

Рядом еще одна компания молодых мужчин, которые здорово накидались перед ужастиком и ведут себя вызывающе.

— Спорю, эти придурки не дадут нам нормально посмотреть фильм, — незаметно указываю на них Олесе.

— А ты видела?... — спрашивает она настороженно, стреляя взглядом в сторону Ветрова.

Я быстро киваю.

— Зачем пьяных пускают в кино? — отвечаю громко. — За что охрана вообще деньги получает?

- Он на тебя смотрит, — шепчет она.
- Кто смотрит? — встревает Пашка.
- Знаю, — говорю Олесе. А потом Пашке: — Никто.

Наконец двери открываются и народ устремляется в зал. Каждый раз одно и то же! Зрители нороят быть первыми: можно подумать, кто-то не успеет занять место и пропустит половину фильма. Толкаются, дышат друг другу в затылок, наступают на ноги. Я не люблю толпу, поэтому некоторое время стою чуть в сторонке, позволяя пройти особо нетерпеливым, но потом тоже делаю несколько шагов и встаю в очередь, поддавшись общему настроению.

- Эй, куда ты лезешь! — орет пьяный чувак на кого-то.

Его грубо отталкивают, и он, не удержавшись, покачивается и наступает мне на ногу.

— Ай! А можно аккуратнее? — вскрикиваю, хмурясь. Вот так и знала! Рассматриваю бедные беззащитные пальчики.

— Извините, красавица! — Он кладет руку мне на плечи, обнимая как родную. — Познакомимся, раз нас свела судьба?

— Руки убери! — говорю я, пытаюсь оттолкнуть пьяного хама.

Тот лишь притягивает меня ближе.

— Руки убрал, быстро, — слышу позади ледяной голос Ветрова. — Девушка сказала, что знакомиться не хочет.

От угрозы, что звучит в его тоне, у меня волоски на коже дыбом. А еще я снова различаю тот самый легкий акцент, который заметила в первую нашу встречу. Когда Илья спокоен, то говорит по-русски чисто.

Пьяный чувак поворачивается к нему. Они с Ветровым смотрят друг другу в глаза. Оба примерно одинакового роста и комплекции. Я пытаюсь отшатнуться, но хватка хама становится лишь крепче. Немного паникую, потому что если мой непрошенный ухажер захочет приключений, а пьяным море по колено, то будет драка. Прямо здесь и сейчас. Агрессия витает в воздухе.

Илья хищно прищуривается. Рядом стоит его друг, тоже весьма внушительных габаритов.

— Илья, не надо, ты чего? Не ссорься с дураками, — слышу взволнованный голос блондинки.

•
•

— Тс-с, — одергивает он ее быстро и раздраженно. Затем отпускает ее руку и делает шаг ко мне. Снова обращается к пьяному:

— Руку убрал и извинился. Ты приключений захотел? Я тебе их устрою!

— Ладно-ладно! — сдается тот, видимо, верно расценив ситуацию. Правда не на его стороне, отстаивать нечего. — Извините, — кивает мне и устремляется вперед.

Я зябко потираю плечи.

— С вами все в порядке? — спрашивает у меня друг Илья. У него приятный спокойный голос.

— Да, спасибо. На ногу мне наступил, но уже не болит.

За время короткой перепалки большинство желающих успели занять места, и мы беспрепятственно заходим в зал, расходимся в разные стороны. Я быстро нахожу друзей и плюхаюсь в свое кресло. Пашка, естественно, оказывается рядом. Свет гаснет.

Илья заступился за меня, держа за руку свою подружку. Ради которой удалил анкету, наверное.

Реальная опасность мне не угрожала — он мог бы просто пройти мимо. Ничего бы этот придурок не сделал. Я в состоянии постоять за себя, в крайнем случае помогла бы охрана. Мы же в людном месте. Почему Ветров так взбесился? Не ожидала от него настолько бурной реакции. Сомнений нет: если бы конфликт продолжился, Илья бы не отступил и полез в драку.

Вдруг становится очень тревожно.

— Все нормально? — спрашивает Паша. — Ты где потерялась, Польша?

— Нормально. Прицепились какие-то пьяные, но уже все хорошо.

— Кто? Вот те, что ли? — Он начинает хаотично оглядываться.

— Все нормально, забей.

Настоящие ли у меня чувства к Илье? Мы мало друг друга знаем. Я, как он правильно заметил, капризна и избалованна, да и запретный плод сладок. Он манит, интригует. Наверное, надо забить на то, что нас так тянет друг к другу, и жить дальше.

Я достаю телефон и кручу его в руках.

А знаете что...

Все чувства настоящие.

Даже если тебе восемнадцать. Даже если ты всадник Ревности.

Пишу Ветрову: «Спасибо еще раз».

«Не за что, — отвечает он. А потом добавляет: — Прекрасно выглядишь, мажорка».

Я кладу телефон на колени и улыбаюсь. Вот гад, такой же, как все мужики. Пришел с одной, осыпает комплиментами другую. Злодей ты, Ветров, самый настоящий! Подонки, подлецы!

«Анемии нет, я проверилась. Но я все равно стала лучше о себе заботиться».

«Умница».

Я откладываю телефон и смотрю фильм. Мы вместе его смотрим, просто пока наши кресла находятся далеко друг от друга.

ГЛАВА 14

ИЛЬЯ

68

В двух шагах от моего дома расположена школа с отличной спортивной площадкой. Летом за абонемент в спортзал платить не нужно, из подъезда выходи — и вперед.

Что я и делаю: наматываю круги по футбольному полю, как и обычно по вторникам. Кроссовки мягко касаются земли, легкие приятно обжигает при каждом вдохе. На улице тихо и довольно прохладно. Половина седьмого, рано еще. Десять минут на турнике, потом домой в душ и на работу.

Постепенно замедляю бег, восстанавливаю дыхание. В ушах наушники, на всю катушку гремит любимая музыка. Настроение боевое, как всегда. Другого не держим. Снимаю капюшон и разминаюсь, когда замечаю, что кто-то стоит за спиной. Я резко оборачиваюсь.

Инка приехала.

— Ты что здесь делаешь в такую рань? — спрашиваю, доставая наушники из ушей.

Ей холодно, она кутается в полы тонкого плаща, обмоталась шарфиком. Подходит и обнимает меня за шею.

— Соскучилась. Решила заскочить до работы. Как твои дела?

Инке неуютно. Мне тоже. Я отстраняюсь.

— Тренируюсь же, потный.

— Ничего, я на минуточку. — Она тянется и целует меня в щеку. — Какие планы на вечер? Ты до четырех сегодня?

Я не собирался с ней мириться, просто так получилось. С тех пор как вернулся домой, все события в моей жизни можно описать двумя словами: «Так получилось». Мне это несвойственно. Остро хочется курить.

В кармане вибрирует сотовый. Бросаю взгляд на экран — Чернов. Да ладно! Тот самый мой коллега и друг Пушкина, у которого прозвище нелитературное. На всякий случай обращаю внимание на время, потому что эта скотина сделает все, чтобы меня штрафнули за малейшее опоздание. До начала рабочего дня еще целых полтора часа.

— Да? — принимаю вызов.

— Илья Викторович, доброе утро! Не спите уже?

— Доброе утро, нет, я вас слушаю.

— А чего запыхался? Дело молодое?

Бурный интерес коллег к моей личной жизни пока не утих.

— Я только с тренировки. — Бросаю взгляд на Инку.

Он хохочет.

— А, ты все бегаешь. А не жалко тебе свои колени и позвоночник? Пример бы подавал пациентам. Отпустил животик, набрался солидности.

— Да вы не беспокойтесь, как время придет, поставлю себе эндопротез в колени. И в позвоночник. Всегда хотел стать киборгом.

— Травматологи-механики, — вздыхает он. — Все у вас просто. Раз — и заменил.

— Полчаса делов.

— Слушай, я, вообще-то, по личному вопросу. Ты ведь у нас любишь старушек.

— Кто ж их не любит? — парирую.

Почти восемьдесят процентов пациентов нашего стационара — люди в возрасте. И почему-то все дамы, кому за семьдесят, буквально с первой встречи меня усыновляют и начинают заботиться. По-своему. Лучшие пациенты за мою карьеру. Да и разве я виноват, что всем нравлюсь?

— Возьмешь пациента по личной договоренности?
Александр Сергеевич дает «добро».

— А что случилось? Почему сами не возьмете?

— У дамы запущенный панариций на пальце, в поликлинике по прописке ей нагрубил — убежала. Знаешь, как это бывает? Сказала, больше не пойдет. Да еще и стесняется. По этой же причине мне не дает смотреть. Я убедил, что ты у нас на все руки мастер и удивить тебя невозможно. И сустав заменишь, и роды, если вдруг придется, примешь. Ты сегодня как обычно?

— Да, до четырех. Хорошо, пусть приходит к пяти, раз дело срочное.

Коллегам у нас отказывать не принято.

— Буду должен, — говорит он.

Я сбрасываю вызов и смотрю на Инку:

— Работы прибавилось, позвоню, как освобожусь.

— Хорошо, я буду ждать, — улыбается она неуверенно.

Я сам не уверен, что нам стоило еще раз что-то начинать.

Инна приподнимается на цыпочки и шепчет мне на ухо:

— Придумаем на вечер что-нибудь необычное?

— Созвонимся.

Основной причиной нашего разрыва была моя скука. От скуки я отказался от стабильной работы в пользу приключений и подвигов. Уехал работать по контракту. Впечатлений получил массу, вдобавок изрядную порцию страхов, которые оживают ночами во снах. Недавно прочитал, что около половины сновидений детей — кошмары. Выходит, что для нашего биологического вида бояться чего-то несуществующего — естественно. Подумаешь, что такого.

Больше я подобных ошибок не совершу, спокойная стабильная жизнь — это именно то, что мне нужно. Без всяких «но».

Уже у себя на балконе достаю сигарету и затягиваюсь. Надо спешить в госпиталь. Надо. Еще один день. Все хорошо. Просто замечательно. Пережить его и вернуться домой.

Да что со мной не так-то?

Рабочий день проходит как обычно. Пятиминутка в конференц-зале, слушаем, вникаем в события прошлой ночи. Событий не было. Мало чего экстраординарного

•
⋮

случается в стенах нашего старинного госпиталя. Операции плановые, несложные.

Потом пациенты по записи.

В конце дня сижу, заполняю истории болезней, заканчиваю уже, как раздается стук в дверь. Бросаю взгляд на часы — начало шестого. Сначала гадаю, кого там принесло, а потом вспоминаю — точно! Сегодня же дама от Чернова обещала прийти. Любопытно.

— Заходите, — приглашаю я.

В ответ снова робкий стук. И правда стесняшка. Многие наши женщины так сильно комплексуют из-за любого внешнего дефекта, что готовы скорее помереть дома, чем показаться доктору.

— Заходите! — повторяю громче. — Не бойтесь, я не кусаюсь.

Дверь медленно открывается, и в мой кабинет бодро заходит Полина Александровна Барсукова.

Да ёптить! Быть такого не может!

— Добрый вечер! Ой! Илья, ты здесь работаешь? — округляет она глаза в мнимом удивлении. — Не смотрите на меня так, доктор! Обещали не кусаться!

Я хищно прищуриваюсь и подаюсь вперед.

— Ты чего пришла? Как ты... — Хмурюсь, потом до меня доходит, что произошло. — А, вот оно что.

— Какое неожиданное совпадение! Бывает же! — тараторит она, особо даже не стараясь притворяться, пожимает плечами. — Можно?

Ее волосы собраны в высокий хвост, минимум макияжа на лице. Летящий белый сарафан. Коротенький.

— Да садись уж, раз пришла, — киваю на стул рядом. — Давай сразу карточку. Я закончу и займусь тобой.

— Я подожду, вы не спешите. Мною надо заниматься очень тщательно, — говорит она кротко.

Присаживается на стул, закидывает ногу на ногу.

— А какую карточку надо было принести? Банковскую?

— Понял, — говорю я скорее себе, чем ей. — Банковскую не надо.

Прицепилась же мелкая. Ее отец вполне конкретно дал понять, чтобы я держался от его сокровища подальше и не надеялся, что былые заслуги мне сильно помогут в случае каприза мажорки.

Пишу строчку за строчкой, она сидит напротив. Думал, уткнется в телефон, но нет. Пялится на меня. Я взгляд поднимаю — она свой отводит, потом снова пялится.

— Показывай свою проблему, — говорю, откладывая ручку в сторону и смотря ей в глаза.

— А вы руки не помоеете? — шепчет она. — После других пациентов. А то мало ли какая у вас тут зараза ходит.

— Ну мы ж пока не оперируемся, — возражаю я, выгибая бровь.

Впрочем, мне несложно. Поднимаюсь с места, мою руки с мылом. Полина довольно резво для больного человека пододвигает тяжелый стул таким образом, чтобы между нами не было стола. Я возвращаюсь на свое место.

— Показывай, — говорю нетерпеливо.

У меня сегодня свидание, мажорка ворует мое время.

— Прямо здесь?

— Можем снять гостиницу за городом, — вздыхаю не без раздражения.

Уже вижу, что пальцы у нее в полном порядке.

— Вы так ко всем пациенткам подкатываете?

— Разумеется.

— И на вас не жалуются?

Смеюсь.

— О, подавляющее большинство пациенток крайне рады моему вниманию.

Она закатывает глаза, дескать, поражена моим самонамением. Потом скидывает с правой ножки элегантный шлепанец и ставит ступню мне на колено. Упирается носочком и ведет на пару сантиметров выше.

При этом внимательно наблюдает за моей реакцией. Глаз не сводит — затаилась, змея. Сарафан ее изрядно задирается, демонстрируя не только коленку, но и бедро. В полуметре от меня. Я начинаю злиться. Что это, мать ее, за игры на рабочем месте? Поднимаю на нее глаза — она обеспокоенно кивает на ступню.

— Ну что там? — спрашивает взволнованно. — Я умру?

Возвращаюсь к покрашенным красным лаком аккуратным пальчикам. Один к одному, как на выставке. Идеальные ногти, все безупречно. Она слегка надавливает мне на ногу носочком.

•
:
•

Эту девочку трогать нельзя. Что бы она ни натворила. Как бы мне ее ни хотелось.

Вашу мать.

— Не вижу проблемы. — Я едва удерживаюсь, чтобы не психануть.

Нет, пациенты бывают разные. Иногда они дико разочаровывают абсолютно пофигистическим отношением к собственному здоровью. Как, например, вчера. Пожаловала на прием без записи женщина — снимать швы на руке. Хирург (не я) ей, когда швы эти накладывал, строго наказал явиться через десять дней. Но она была на даче занята и смогла найти минутку для визита в госпиталь только через двадцать восемь дней. Открывшаяся мне картина оказалась занимательной — я даже сфоткал на память. Манипуляции необходимые провел, назначил антибиотик. Будет ли пить? Кто знает. Зато, полагаю, все грядки были прополоты.

Так вот, людей я упорно люблю, стараюсь их понять. Ну, по возможности. А вот Полину понять никак не получается. Мажорка уточняет:

— Вы уверены? Вы и правда хороший доктор?

Восемнадцать лет, а уже такая сучка. В папашку пошла. Даже не удивлен, что каким-то образом она с Черновым спелась. Вот что ей от меня надо? Сейчас дверь закрою, разложу на столе — пикнуть не успеет. Кайфанет, но потом очухается и жаловаться побежит. И все, и капец мне.

— А, я же перепутала! — Она быстро убирает правую ножку, но моя свобода длится недолго: Полина ставит на прежнее место левую.

Пока меняет ноги движением, частично слизанным из одного известного фильма, я успеваю заметить и запомнить цвет ее белья. Как к пациентке я к ней, естественно, не отношусь, потому что пальцы на руках и ногах у нее в полном порядке. Полине скучно, Полина хочет приключений.

Внимательно рассматриваю ее левую ногу, пальпирую ступню, затем голень. Замерла, глядит, дышит чуть глубже. Выше колена я не поднимаюсь, но сцена со стороны, конечно, — убиться можно, если кто зайдет.

Ее дыхание опасно для нас обоих учащается, она даже не замечает этого. А я... реагирую. Против здравого смысла. Против воли.

— Вот тут вот, — показывает она на крошечный синячок возле ногтя большого пальца. — После инцидента в кинотеатре, помнишь? — Облизывает пересохшие губы. — Болело.

— А с чего ты взяла, что это панариций? — спрашиваю, хмурясь.

— Погуглила! Боль была пульсирующей и дергающей. Я плохо спала, а наутро голова трещала. Все симптомы.

Я быстро беру телефон, забиваю заболевание в поисковую строку и показываю ей первую попавшуюся фотографию. Поля морщится.

— Да, один в один, — говорит, опустив глаза.

Хочется намотать ее хвост на кулак и вытолкать девицу в коридор, но вместо этого я произношу крайне серьезно:

— С диагнозом ты немного промахнулась, но оперировать все же придется.

— В каком смысле «оперировать»? — Она округляет глаза и пытается забрать ногу.

Еще чего! Я в нее вцепляюсь мертвой хваткой и деловито заявляю:

— Хорошо, что ты пришла. Аллергия на лидокаин есть?

•
:

74

ГЛАВА 15 ПОЛИНА

— Аллергия есть. И еще какая, — заявляю решительно.

Почти смело смотрю ему в глаза — ищу там совесть или хотя бы ее зачатки. Он ведь не должен мне навредить. По крайней мере, на своем рабочем месте.

У самой от ужаса волосы на голове шевелятся: у меня никогда не было операций.

Лицо Ветрова остается непроницаемым. Ни один мускул на этом лице, блин, не дергается, когда предпринимаю очередную безуспешную попытку вырваться. Куда там! Стальные пальцы сжимают лодыжку, и я отчетливо понимаю, что допрыгалась. Военный хирург пустит мне сегодня кровушку, с анестетиком или без.

Ветров склоняет голову чуть набок.

— Уверена? Больно будет, — предостерегает. — Очень.

— Аллергии нет, я вспомнила, — говорю примирительно.

— Вот и славно.

Плохая была идея — припереться к нему на работу. Но по первоначальному плану все должно было происходить немного иначе. Илья бы улыбнулся, когда увидел меня. Как тогда в кинотеатре. Я бы начала импровизировать. Потом мы пошли бы вместе куда-нибудь перекусить, разговорились.

— А какая у меня хворь? — уточняю, когда он отпускает мою ступню, которую я тут же прячу в мюли.

— Я все напишу в карточке.

— У меня нет никаких карточек! — всплескиваю руками.

— Заведем, не проблема. — Тянется к какой-то папке. — Будет целых две: банковская и медицинская. Супер.

Происходящее напоминает сюр! У меня ничего не болит, я пришла, потому что ужасно по нему соскучилась. Он приснился мне этой ночью. А как иначе встретиться? Не сталкерить же, поджидая его у входа в госпиталь. Тогда мне точно грозили бы диагноз и психиатрическая палата.

— Операция обязательна? Может, обойдемся таблеткой?

— Нога тебе нужна? — спрашивает Илья безэмоционально, выписывая на листе бумаги мою фамилию.

У него стремительный, но довольно разборчивый почерк.

— Очень.

— Ну вот.

Дальше, к моему полному ужасу, он берет сотовый и кому-то звонит:

— Жень, привет еще раз. Ага, на работе. Ты свободна? Можешь подойти? Будем ноготь удалять. Срочно. Да, спасибо, жду.

— Полностью удалять? — спрашиваю я.

— Да.

Он встает со стула, открывает дверь, на которую я раньше не обращала внимания. Смежная с его кабинетом комната оказывается небольшой операционной.

— Проходи, ложись.

Поднимаюсь с места. Голова немного кружится, и я хватаюсь за спинку кресла. Ветров скрестил на груди руки, смотрит на меня выжидательно. Снова прищурива-

ется, как выслеживающий добычу охотник. Я пошутила во второй раз, и опять ему моя шутка совершенно не понравилась. Не смешно.

До двери в коридор такое же расстояние, как до операционной. Уверена, что, если я ломанусь к выходу, он не станет меня удерживать, тащить в свою кладовку, вязать веревками и резать насильно.

Пожалуй, единственное, чего ему хочется — чтобы я убралась с его глаз, да поскорее. И желательно — навсегда. Может, и правда уйти, сбежать с позором, признав абсурдность своего поступка? И своих чувств. Смириться, что его защита в кинотеатре была лишь актом вежливости. И что все мои бессонные ночи после того дня — совершенно напрасны. Сдаться.

Я задираю подбородок и прохожу в операционную.

Он расстилает одноразовую простыню на кушетке, я укладываюсь на нее. Ветров стоит рядом, наблюдает за мной. Возможно, мне удалось его немного удивить.

— А новый ноготь отрастет? — спрашиваю.

— Как повезет, — отвечает задумчиво.

Смотрю на него снизу вверх, потом закрываю глаза.

— Интересно, ты во всем такая упертая? — спрашивает он совсем другим тоном. Будто еще немного — и рассмеется или хотя бы улыбнется.

— Просто я тебе доверяю, Илюш, — произношу полупшепотом.

На самом деле мне страшно. Дыхание учащается, я сжимаю кулаки и крепко зажмуриваюсь.

В кабинет заходит медсестра, и тут же становится очень шумно. Они что-то обсуждают, бряцают инструментами, надевают спецодежду. Я лежу, боюсь даже краем глаза взглянуть на происходящее. Вот-вот моя выдержка лопнет, и я закричу.

Усилием воли заставляю себя расслабиться, но все равно едва не вздрагиваю, когда моего бедного пальчика касается что-то влажное, а следом — холодное.

Терпи, Полина, во имя любви, упрямства и идиотизма. Аминь.

— Как проводишь лето? — спрашивает Ветров невзначай. Бодрым веселым голосом. Видимо, чтобы отвлечь от операции. — Чем занимаешься?

•
•
•

— Да так, особо ничем. Сестру выписали две недели назад, помогаю по возможности.

— Мия с вами живет?

— Да, она поссорилась с Арсением очень сильно. Живет с нами. Никого из друзей видеть не хочет: они один и тот же вопрос задают. Догадываешься какой? Ее вина, а ей и так тошно. В одиночестве Мийку оставлять страшно, поэтому стараюсь быть рядом. Мы почти каждый день гуляем вместе на острове. Сейчас у меня практика начинается в универе, будем пореже.

— Как малышка?

— Слава богу, тьфу-тьфу-тьфу. Стала набирать вес, но спит отвратительно. Качаем по очереди с Настей все ночи, потому что Мие одной тяжело. Я думала, будет как в рекламе: в люльку положил, дверь закрыл. Утром пришел, а младенец лежит и улыбается. Вранье все эти ролики по телику! — Вспоминаю истошные крики ребенка, от которых внутри все сжимается. — Одной Нина быть вообще не любит.

Впрочем, не мне судить племянницу — прямо сейчас я позволяю оттяпать у себя здоровую часть тела, лишь бы заслужить уважение мужчины.

— Может быть, колики?

— Мы приглашали уже трех педиатров, но у всех советы одинаковые. Уверяют, что так будет не всегда. Надеюсь.

Увлечшись разговором о сестре, я практически забываю о том, зачем нахожусь здесь. А может, анестезия хорошо действует. Когда открываю глаза, Илья уже забинтовывает мой палец.

Возбуждение — последнее, что должен чувствовать человек на кушетке в операционной, глядя на упакованного в маску и колпак хирурга. Но это именно то, что я ощущаю сейчас. Легкое, едва уловимое, готовое разгореться пожаром, дай он малейший повод. Ветров поворачивается, наши глаза встречаются. Я лежу, он возвышается надо мной.

Интересно, он позвал медсестру, чтобы не оставаться со мной наедине? Чего он опасается?

Она, кстати, смотрит на меня с большим сочувствием.

— А можно вопрос? — подаю голос.

— Да, конечно.

— Откуда у тебя акцент?

